Глаша

Автор:
Лана Ланитова

Глаша

Лана Ланитова

Глаша и Владимир #1

Роман Ланы Ланитовой «Глаша» впервые вышел в 2012 году и сразу же стал бестселлером в жанре «Эротическая поэзия и проза». Высокий накал эротизма, откровенные сцены, классический русский язык – все это сделало его популярным среди российских читателей и за рубежом.

«Добро и зло», «добродетель и порок», «целомудрие и искушенность» – в этих противоположных понятиях нет абсолютной истины – в мире все относительно.

Россия, середина XIX века. Сирота Глаша оказалась на попечении своих дальних родственников дворян Махневых. Она и не ожидала, какой коварный сюрприз уготовила ей судьба. Красавец, утонченный и хорошо образованный аристократ Владимир Махнев оказывается изощренным развратником, содержателем гарема из крепостных крестьянок, сластолюбцем и коварным обольстителем. Не по своей воле, но Глаша вовлекается в барские оргии. В этих оргиях есть все: от картин лесбийской любви и группового секса, до наркотического дурмана и почти шокирующих де садовских сценариев…

Но волею судьбы главным проклятием кузена, одержимого дьяволом, не суждено было стать женщине…

Книга изобилует откровенными эротическими сценами. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

Лана Ланитова

Глаша

Глава 1

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Новый завет. От Матфея. Глава 5. (27, 28).

– Мужики!

– Чаво, тебе?

– Не подскажете, по кой дороге проехать к энтому… дай бог, памяти. Забыл! – приказчик хлопнул себя по узкому лбу. Неказистое веснушчатое лицо выражало крайнюю степень досады. Он спрыгнул с облучка грязной брички, обошел вокруг, носок стоптанного, похожего на жабу сапога, постучал по ободу расхлябанного колеса. Подошел к лошади, обветренные красные руки коснулись упряжи. Нагнулся, схватил лошадь за копыто. Толстоногая пегая лошадка нервно махнула хвостом. – Тпру! Стой, милая, стой! Дай-ко, я подковку посмотрю. Ну ладно, кажись, доедем. Ничаго… – глаза повеселели. Сдвинув картуз на затылок, шагнул к трем, стоящим у обочины мужикам. – Мужики, вот я – ушат дырявый: запамятовал, как поместье-то называется.

– Можа, Луднево?

– Нет, не Луднево…

– Можа, Никольское?

– Нее, не тако название. Тпфу, дурень! И надо же, было так оплошать, – картуз съехал на потный лоб, рука чесала мохнатый, русый затылок. – Тама барин ишо живет – казистый такой, высокий, важный. Второго такого – точно нет.

– А… ну, так бы и сказывал, – осклабясь, ответствовал один из мужичков, – это – Махнево. Как свернешь в сторону, проедешь пару верст – там и увидишь: стоит на пригорке. Только там барин важный шибко, да видный. Он всей округе наружностью приметен. Бабам его красота покоя не дает. По мне: так с лица воду не пить. Меньше красы – меньше грехов бесовских.

– Точно, Махнево! – засмеялся приказчик и проворно заскочил на облучок. – А меня хозяин послал к нему: сверток с мануфактурой аглицкой доставить. Карета посыльного нашего изломалась на Астраханском тракте. Так он, горемычный на перекладных к хозяину добрался, а карету с лошадью на постоялом дворе бросил. Такие дела! – словоохотливый возница хлопнул себя по коленям и усмехнулся. – А хозяин изругал его примерно, чуть не поколотил: «Ах, ты колоброд сиволапый. Где лошадь оставил, свиное, ты, рыло? Пошлю туда, куда Макар телят не гонял. Тудыть растудыть».

Что ты будешь делать? А на что вам Степан? Вот он я… Как штык нарисовался. «А езжай-ка ты, Степан, в Махнево. Там живет один барин красавец-молодец. Я хотел бы заполучить его в покупатели. Свези-ка ему, для начала, посылочку в подарок от нашего магазина. Доставишь, каналья? Да смотри, чтобы все чин чином сладилось. Как не доставить? Обижаете, барин…» Я уж умолчал, что свою-то кобылу хотел аккурат в кузню вести. Думал: заикнись об энтом, он и меня со свету сживет. Хошь, не хошь, а вынь, да положь. Поехал. Но вот беда – я ж, не здешний – дорог не знаю. Как выехал – еще помнил название, опосля задумался о своем – и враз запамятовал! – мужичок тронул поводья. – Кабы не вы, заплутал бы. Как пить дать – заплутал. Счастливо оставаться, братцы! Спасииибоооо за помоооощь…

Мужики смотрели вслед удаляющейся бричке, клубы пыли закрывали ее полностью, пока она и вовсе не пропала из виду.

– Ишь, егоза пустобрех! Барин, говорит, видный, – мужичок сплюнул себе под ноги. – Черт он, а не барин! Люди зря хаять не будут… Раз, говорят – черт, значит – черт!

– И то – правда! – осмелев, добавил другой. – Девок по головам не пересчитать: сколько перепортил, Ирод окаянный. Оно, вроде, как и не жалко – девка, на то и рОждена, чтобы бабой стать. А все же – не порядок, не по-людски оно как-то, не по закону божьему…

– Тпфу, бисово отродье! – вступил в разговор третий. – Гляди-ка, мануфактуру аглицкую в подарок ему везут. Фу-ты, ну-ты. Даром, что барин благородный, а креста на нем нет! Кабы не барин был, а простой человек – изловили бы пакостника и мудя с удом оторвали!

* * *

С постороннего взгляду Махнево было богатым и знатным поместьем. Все, как положено: господа важные, благородные, сами собой – гладкие. Чаи на террасе попивают, разговоры ученые ведут. И все-то у них ладно, да лепо: дома крепкие, сады и цветники ухожены, скотина кормлена, лошади крупастые. Да и мало ли еще, каких приятностей и безделиц для услады глаз хозяйских имеется. Всего не перечислишь…

Только слава дурная за имением водилась, и не-то, чтобы слава, а так – слухи ползли, один нелепее другого. А слухи эти душком серным попахивали. Но, кто у нас слухи-то пускает? Ясное дело: бабы глупые, а им набрехать – раз плюнуть. Они любого ославят, сплетен до небес насочиняют.

Говорили, что барин Владимир Иванович во Христа праведного не верит, в церкву не ходит, а ведет себя, как отродье бесовское… Говорили, что он – то ли сектант, то ли молокан, то ли отступник. Потому, как без чести и совести завел у себя гарем, словно султан иноземный. Говорили, что много девок и баб со свету спровадил, иные брюхатые от него ходют, во чревах отродья бесовские носют… Говорили, что бесы наградили его удом огромным – почти до колен, и что удище энтот окаянный покоя барину ни днем, ни ночью не дает: во все тяжкие с головой уводит. Тычет он им кажну бабенку, а сытости не знает. Оттого барин люто воет, хуже волка серого. Говорили даже, что младенцев новорожденных по ночам кушает. Ну, кто в эту-то брехню поверит?

Слухи, они и есть слухи. Бабы глупые от безделья и зависти сочинили. Мало сочинили – по уезду разнесли. А мужики-холопы подхватили. Мужики-то нынче – мелковаты пошли, не те – что в старые времена. Хуже баб, порой, горазды языком чесать – говоруны языкатые! А отчего бы им не болтать попусту? – Лишь бы повод найти: от работы увильнуть. Распустили их донельзя, а еще «вольность» грозятся дать. И какая дураку воля? Языки бы поганые всем вырвать! А по-правде говоря, ну кто холопам поверит? На то он и холоп, чтобы молчать и волю барина прилежно исполнять. У глупых холопов и мыслей-то своих отродясь быть не может. Не их, собачье дело – о прихотях барских рассуждать!

Ну, обо все по порядку:

Господская усадьба находилась в приветливом и уединенном месте Н-ского уезда, Нижегородской губернии. Два, отдельно стоящих друг от друга, каменных дома, уютно расположились на небольшом зеленом пригорке, ниже домов шла небольшая рощица, а за ней довольно большой и глубокий пруд с чистой проточной водой. Упругие столбики коричневых камышей с острыми, как лезвия, высокими листьями и колючая, уходящая корнями в ледяную воду осока, обрамляли пруд с одного берега. Летом здесь цвели зеленая ряска и желто-белые кувшинки. Множество больших жаб и маленьких головастиков устраивали ночные концерты, прыгая дрожащими, скользкими лапками по огромным водяным листьям.

Пологим песчаным дном заканчивался другой берег. Кустарники душистого жасмина и много старых, наклоненных к воде плакучих ив, создавали приятный пасторальный пейзаж. В этом месте господа возвели довольно удобную купальню с деревянными мостками, ступеньками, уходящими в воду, резной беседкой, увитой глянцевым плющом и диким, лиловым вьюнком. Справа от купальни возвышался основательный двухэтажный лиственничный сруб – господская баня.

Несмотря на летний зной, вплоть до начала июля, вода оставалась холодной из-за обилия подводных ключей. Она была настолько прозрачна, что в тихую погоду, любой, кто доплывал на лодке до середины пруда, мог увидеть стайки серебристых рыбешек и рыб крупнее, стоящих неподвижно и шевелящих красными плавниками и жирными плёсами.

Белые и серые откормленные гуси, пестрые, с перламутровым отливом утки, важно скользили по светлой глади пруда. Шумно гогоча и крякая, перебирая красными кожистыми лапками, они заплывали и прятались в ту часть, где росли высокие камыши.

Вокруг барских домов весной бурно цвела сирень, и кипели молодым белым цветом душистые яблони. За домами шел парк, в котором старые липы перемежались с толстоствольными, раскидистыми дубами, резные кусты орешника с березками и рябинами. Слева от парка был разбит фруктовый сад – гордость хозяйки. Он не только радовал глаза и господский стол обильными и щедрыми дарами, но и приносил вполне ощутимый денежный доход. Сразу за садом дорога поворачивала в темный густой ельник, где заматерелые сосны с бледно-желтыми стволами походили на великанов с лохматыми угрюмыми головами, а разлапистые ели на их гигантских подруг. Хитрые белки с рыжими пушистыми хвостами перелетали с ветки на ветку. С утра и до позднего вечера в саду и в парке слышалось многоголосое птичье пение.

Крупные лепные колоны подпирали острые фронтоны двух, аккуратно побеленных, домов. Переднюю часть каждого дома огибала круглая терраса, на которой господа часто пили чай со сливками и свежей сдобой. Это было довольно богатое поместье. Хозяином его считался некий Владимир Иванович Махнев. За ним числилось около двух тысяч ревизских душ крепостных крестьян. Это был молодой человек, двадцати семи лет отроду. Будучи умным и хорошо образованным, он производил на собеседников весьма приятное впечатление, но, зачастую, поражал необыкновенной циничностью собственных суждений. В свободное время он любил почитать, отдавая предпочтение древнегреческой и немецкой философии, газетам и общественным журналам. За завтраком пробегал глазами «Северную пчелу» и подшучивал над светскими новостями и частными объявлениями.

Случалось, почитывал и стихи. И хоть не любил в этом признаваться, однако знал наизусть отрывки из «Евгения Онегина» и Байроновского «Дон Жуана», часто и сам сочинял «лирические столбики». Его секретер был забит исписанными клочками бумаги. Капризная Муза частенько заглядывала к нашему герою, но не всегда дарила удачную рифму для его «виршей»… Посещал он театры и оперу: но не часто – Махнев не слыл завзятым театралом. В обществе держал себя спокойно и немного высокомерно.

Внешне Владимир Иванович был высок и строен, черты лица имел приятные. Пожалуй, его можно было назвать даже красавцем: скульптурные линии фигуры и римский профиль имели удивительное сходство со статуей Аполлона из сада Бельведер в Ватикане. Выражение красивого лица почти не менялось, глаза глядели всегда одним и тем же холодным взором. Когда ему становилось скучно – набегала зевота, взор делался пустым и бесстрастным, реже грустным. И как он оживлялся, когда в поле зрения попадал предмет временной страсти – в глазах появлялся «охотничий» огонек. Но этот огонек горел недолго – ровно столько, сколько требовалось для «приманки» очередной жертвы его летучей и недолгой любви.

Вежливая холодная улыбка редко покидала его губы. Часто улыбка переходила в откровенную усмешку, делавшую серые глаза особенно холодными и жестокими. Темно-русые, густые волосы немного вились. Одевался он всегда изящно – своеобразно и просто, однако, его вкусу могли бы позавидовать некоторые завсегдатаи модных столичных домов. В своем поместье он позволял себе ходить в узких жокейских брюках, заправленных в высокие черные щегольские сапоги и в батистовой тончайшей белой сорочке с расстегнутым кружевным воротом. Молодая, слегка смуглая грудь, покрытая темными курчавыми волосами, виднелась из-за ворота расстегнутой рубашки. Владимир Иванович знал о себе, что он хорош и необыкновенно нравится почти всем, без исключения, женщинам. За его спиной было несколько петербургских романов и куча оставленных барышень с разбитыми сердцами.

Петербургские романы быстро наскучили молодому барину. В них, в силу определенных общественных рамок и устоев светской морали, он не мог дать воли бушевавшим плотским страстям и адскому пламени похоти, терзавшему его изощренное воображение. Поэтому, Владимир Иванович поскорее выхлопотал себе отставку и перебрался в фамильное имение.

В этом имении он проживал со своей матерью, не молодой, но ухоженной дамой. Внешне довольно приятная, Анна Федоровна имела репутацию избалованной и взбалмошной особы. Частая меланхолия, доводившая ее до головной боли, чередовалась с приступами неоправданного гнева. Ностальгируя по старорежимным «дедовским порядкам», Анна Федоровна могла безжалостно

оттаскать за косу нерасторопную горничную, дать ей пощечину или велеть высечь розгами нерадивого работника.

Одевалась барыня вычурно и дорого, однако, изысканные, по ее мнению туалеты, к слову сказать, были слишком далеки от веяний капризной петербургской моды. Получив весьма скромное домашнее образование, Анна Федоровна не отличалась здравостью суждений и не блистала тонким интеллектом. Не смотря на это, она держала себя очень высокомерно, давая понять окружающим «свое место». В слугах более всего ценила преданность и лесть. Те крепостные, кто были похитрее, сразу смекали: что, к чему, и начинали безмерно раболепствовать пред барыней, делая нарочито дурашливые морды.

Рано овдовев, Анна Федоровна не пожелала более связывать себя узами брака. Зато долго и упорно мечтала женить своего Володеньку на богатой невесте и прочила ему в жены дочерей крупных помещиков. До явного сватовства так и не дошло, так как Владимир наотрез отказался жениться и попросил матушку повременить с поиском невесты, дабы он смог «пожить в холостяках».

Матушка на время оставила его в покое. Владимир же не тратил времени даром. Как не бывает дыма без огня, так и людская молва на пустом месте не появится. Природа наградила Владимира Махнева необычайной мужской силой, мощным, почти демоническим темпераментом и развитым воображением – все перечисленное, шаг за шагом, толкало владельца этих качеств на дно жесточайшего порока и разврата. Зорким похотливым взглядом высматривал Владимир Иванович девок и женщин на покосе, и на поденной работе в усадьбе – всюду, где ступала женская нога. Ни одна деревенская красавица не ушла от взгляда молодого жеребца. А как он умел соблазнять! Лишь знаменитый Дон Жуан мог соперничать с нашим героем в этом тонком ремесле. Про его мужскую силу и размеры детородного органа ходили легенды среди женского населения не только этого поместья, но и далеко за его пределами. Такие славные образчики мужской силы, каким был фаллос Владимира, после смерти владельца, должны сразу же, с почетом выставляться в Анатомическом музее или на полках Кунсткамеры.

Детство Владимира прошло в окружении множественной прислуги женского пола. Мамушки, нянюшки, гувернантки не оставляли его без чрезмерной опеки и ласки. Маленький барчук имел ангелоподобную внешность – охи, ахи и комплименты сопровождали каждый его шаг.

Когда завернутого в батистовые кружевные пеленки, обвязанного голубыми ленточками, в окружении восторженной свиты из родственников и домашней прислуги маленького Владимира принесли в церковь для проведения обряда Крещения, он закатил там чудовищную истерику. Младенец плакал так истошно, что от крика в старенькой деревенской церкви дребезжали стекла, и гасли восковые свечи. Батюшка поспешил наскоро завершить обряд, чтобы младенец не задохнулся от плача – розовое тельце посинело от натуги, глаза закатились, недетский хрип рвался из маленькой груди. Молодая мать услышала позади себя нестройный людской гул и легкий шепот осуждения.

Мальчик рос крепким и сильным, поражая окружающих ловкостью движений и смелостью, и неординарностью суждений.

Ему легко давались грамота и науки, учителя и гувернантки наперебой хвалили его успехи. Пытливый ум Владимира входил в противоборство с непостоянством натуры: он быстро увлекался и столь же быстро терял всяческий интерес к предмету страсти.

Когда мальчику было девять лет от роду, он все пристальнее стал разглядывать женские фигуры: волновали округлые формы, запахи, нежные голоса. Маленькому Володе было приятно, когда нянюшки мыли его в ванне: терли спинку, прикасаясь заботливыми руками к телу. Однажды одна из молодых горничных, звали ее Наташа, как всегда купала Владимира, рука нечаянно коснулась низа его живота. Мальчик встал во весь рост, между ног качался довольно развитый член, размеры коего были несоизмеримы с нежным возрастом отрока. Такой размер сделал бы честь любому взрослому мужчине.

– Наташа, голубушка, ты должна непременно потрогать меня, – пролепетал, слегка смущенный Володя. – Возьмись за него, я решительно настаиваю! – добавил он, в голосе звучали повелительные нотки.

– Что это вам в голову пришло, месье Вольдемар? Прекратите, проказничать! Хорошим мальчикам негоже так себя вести! – Наташа смущенно смотрела на барина, краска стыда заливала миловидное, круглое лицо.

– Наташа, возьми его в руки! Я твой барин, и ты должна слушаться меня. И потом, я совсем не желаю быть хорошим мальчиком, если ты отказываешься приласкать меня, – от негодования он даже притопнул, мыльная вода

выплеснулась на каменный мозаичный пол.

– Что вы, месье Вольдемар, когда же я отказывалась вас ласкать? Дайте, мне свою щечку, я расцелую ее с превеликим удовольствием.

– Наташа, ты глупая баба, раз отказываешься сделать то, что я прошу. А впрочем, целуй меня, только целуй не щечку… а его… – пальчик указывал на эрегированный орган.

Наташа закрыла лицо руками и с плачем выбежала из купальной комнаты.

Став чуть постарше, Владимир не сильно церемонился со своей прислугой. Впервые он сблизился с женщиной, когда ему было двенадцать лет.

Произошло это в конце лета, на покосе. Юный Вольдемар засмотрелся на молодую крестьянку: она косила траву возле небольшой рощицы. Женщина наклонилась к земле: красные от работы ладони обматывали перевяслом сноп, узкая спина, одетая в пеструю ситцевую блузу, темнела от пота.

Широко и твердо выпирали круглые бедра, облаченные в шерстяную клетчатую паневу. Завидев издали барчука, она выпрямилась, ловко отбросила сноп, пальцы стянули белый платок, обнажив русую голову, толстая коса упала на грудь. Долгий насмешливый взгляд блуждал по фигуре подростка, тонкая бровь лукаво приподнялась, полные губы расползлись в улыбке, обнажив ровные крепкие зубы.

– Что, барчук, гуляете? – глаза еще больше повеселели.

– Гуляю, а тебе какое дело? – важно отвечал Владимир, все ближе подходя к крестьянке.

– Да мне-то, што? Мне и прям делу нет до ваших прогулок, барин. Только, я гляжу: у вас, кажись, дело до меня есть… – запрокинув назад голову, она хохотала во все горло.

Осмелев, Владимир подошел близко, руки неумело охватили стройную талию. Она выгнулась, но не отстранилась, зеленоватые в крапинку глаза продолжали

лукаво рассматривать подростка. Лицо мальчика оказалось почти на уровне ее высокой груди, пахнуло женским потом, смешанным с горячим запахом травы и молока. Торопясь, он стал расстегивать пуговицы на блузке, неумело целуя обнажающиеся участки молочно-белой кожи, рука полезла под широкую юбку – заголилась полная нога.

– Тихо… тихо… барин. Какой, вы, прыткий. Погодьте малость, тут нас увидют. Пошли в рощицу, по кусток лягем, – она потянула его за руку.

Он смутно помнил этот первый в его жизни опыт общения с женщиной.

Помнил то, что новые ощущения вначале слегка ошеломили его, а потом немного разочаровали.

Огромными и ослепительно белыми казались ее груди, язык помнил солоноватый вкус ярких упругих сосков. Они пролежали под кустом до самых сумерек, она ушла, еле перебирая негнущимися ногами. С лица женщины не сходило глупое, удивленное выражение. Долго стоял в ушах жаркий шепот: «Миленький мой, да, какой же, ты… Да, откудо же тако выросло? Да, как, же так? Ты, же молод ешо…» Он встретился с ней еще несколько раз, потом в его жизни стали появляться все новые и новые любовницы.

Когда Владимир учился в старших классах гимназии, он мог позволить себе вызывающе откровенно рассматривать молодых женщин. Те, не выдержав взгляда красивых серых глаз гимназиста, смущались и теряли нить разговора. К счастью, в гимназии преподавали, в основном, одни мужчины. У Владимира было немного товарищей: он не любил близких сближений, держался от всех на небольшом вежливом расстоянии, тем паче, не выносил беспардонного панибратства. Многие однокурсники считали его гордецом, тем не менее, уважали и даже побаивались.

Уважения добавил один интересный случай. Как известно, в юношеской среде добрая половина разговоров посвящена женщинам и всему, что с ними связано. Молодые отроки наперебой рассказывают друг другу вымышленные истории об амурных похождениях и почти геройских подвигах, связанных с ними. Товарищи Владимира также были замечены в этом грехе. Он слушал их внимательно: ироничная усмешка скользила по его красивым губам.

– Вольдемар, чему ты, улыбаешься? Ты, будто не веришь мне?! – вскричал кареглазый и круглолицый Афанасьев. Он живо и красочно изложил историю соблазнения им молодой кухаркиной дочки, снабдив ее пикантными подробностями. Все мальчики слушали его, затаив дыхание, один Махнев нагло усмехался, весь его вид говорил о том, что он не верит ни единому слову рассказчика.

– Да, полно, тебе, Афанасьев, сказки нам сказывать. А, уж если бахвалишься, то будет тебе повод это доказать, – проговорил спокойно Махнев, глаза все так же лукаво поблескивали.

Гимназисты зашумели, одобряя слова Владимира. Они долго совещались, как привести в исполнение намеченный план. Наконец, черноволосый Слепцов, придя как-то утром на занятия, сообщил товарищам, что встретил по дороге полненькую, рыженькую прачку: в белом передничке и чепчике.

– Она, такая милая: ручки маленькие, попа большая, грудя прыгают! – радостно сообщил Слепцов, он даже чуть пританцовывал от удовольствия. – Вот, только не знаю, согласится ли она.

– Прачка говорила с тобой? – спросил Махнев.

– Нет…

– Улыбалась? Смотрела на тебя?

– Да! – Слепцов кивнул, глаза горели от радости. – Она и смотрела и улыбалась и смеялась даже.

– Charmant! Ну, тогда дело слажено, я полагаю. Как поговаривают англичане: девушка, которая смеется, наполовину уже завоевана. – спокойно рассудил Владимир. – Надо будет дать ей пару целковых и конфет купить.

На следующий день четверо гимназистов выследили вожделенную молодую прачку. Она шла по мостовой пружинящей походкой, полные ручки держали бельевую корзинку. Завернув за угол, девушка наткнулась на ватагу разгоряченных гимназистов. Беседу повел опытный Владимир, другие мальчики

настолько растерялись, увидев девочку на таком близком расстоянии, что не могли проронить ни слова.

– Сударыня, как вы хороши! Любой, кто увидит вас – лишиться дара речи! Вы похожи на красный мак или гвоздику… Вы, какие цветы более любите? – галантно спросил Владимир.

– Ну… Это, вы, чего? – прачка удивленно смотрела на мальчиков, зеленые глаза радостно моргали, красные пятна выступили на белом, покрытом конопушками, лобике. Она немного пятилась назад, но по ее виду было понятно, что ей льстит такое чрезмерное внимание барских отпрысков. – Я совсем цветов не люблю. Я юбки и платки люблю в цветок и конфекты разные.

Владимир, изловчившись, поцеловал ее пухлую, потную ручку.

– Как мило! А не соблаговолите ли, вы, составить нам компанию завтра в этот же час, на месте старых развалин у городской рощи? Мы принесем с собой и конфеты и рубликов.

– Ишь вы, какие, хитрые! – глаза сделались маслеными. – Я не какая-нибудь дурочка. И держу себя строго, – она сделала нарочито важное лицо. Прошла минута, искоса глянув на мальчиков, прачка спросила, – а сколько целковых мне дадите, ежели я с вами погулять пойду?

– Радость, вы, наша – целых два! – засмеялся довольный Владимир.

– Ну, коли два – я согласная. Только побуду с вами чуток и сразу домой. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, голубушка. Нам и чуток хватит.

Еле дождались гимназисты следующего дня. Был готов кулек с разноцветными леденцами и два целковых. В назначенное время они ждали прачку в старой роще на развалинах графского дома. В этом месте днем было малолюдно: редкий прохожий отваживался ходить среди серых обломков, поросших высокой травой и кустарником.

Рыженькая прачка, не смотря на юные лета, была далеко не девственна. Пышные формы вызвали необыкновенной силы вожделение у ее хозяина, сорокапятилетнего мужчины, который тайком от своей жены сошелся с хорошенькой работницей и совратил ее. Собираясь на свидание к гимназистам, девушка думала не только о деньгах – было приятно, что такие важные молодые люди, дворянского происхождения желают встретиться с ней. По глупости, она даже не давала отчета в том, что на предстоящем свидании их будет четверо, а она одна… Она считала, что дворяне – люди благородного сословия, не то, что ее хитрый и грубый хозяин, и горазды делать только высокопарные комплименты и угощать конфетами. Как жестоко она просчиталась!

Вначале мальчики, завидев ее, радостно замахали руками, взяли под ручку и прошлись с ней по отдаленной аллее. Один из них поцеловал ее в плечико, другой в ручку, третий неумело мазнул губами по толстенькой щеке. Прачка хохотала, грозила пальчиком, смущалась и розовела от удовольствия, пухлые ручки то и дело оправляли белый передничек и теребили рыжий локон на конце толстой косы. Наконец, инициативу взял на себя Владимир, он незаметно прикоснулся к крепкой талии, прачка томно посмотрела на него.

Он казался намного красивее других мальчиков и выглядел очень взросло. По ее телу пробежала заметная дрожь, перешедшая в сильное сладостное желание. Девушка уже плохо соображала, особенно после того, как Владимир принялся целовать долгим поцелуем пухлые губы, а настойчивая рука ловко пробралась к высокой груди. Она даже не заметила, как оказалась в кустах густой акации, кто-то из барчуков предусмотрительно постелил на траву одеяло, секунда – и девушка уже сидела на нем: сильная рука самого красивого гимназиста клонила ее спину и голову, заставляя прилечь. Сопротивление было недолгим: несколько пар рук тянулись к девочке, гладя и тормоша ручки, плечи, бедра. Дыхание стало прерывистым, она почувствовала, что эта же настойчивая рука откинула синюю юбку с передником: обнажились полные розовые ножки, между ножек пухлым бугорком выступал лобок, густо покрытый рыжими курчавыми волосами, в середине лобка едва виднелась красноватая влажная трещина. Мальчики потрясенно таращились на все это рыжее великолепие, руки держались за причинные места: они не знали, что делать дальше.

Владимир закинул ногу на бедра девушки, опытная ладонь ловко легла на круглый живот, спустилась ниже к рыжим завиткам, лаская и немного дразня. Длинные пальцы проникли в скользкую припухшую сердцевину. Прачка от удовольствия закатила глаза, бедра стали поступательно двигаться, стон

удовольствия вырвался из ее груди. Владимир умело ласкал ее влажное лоно, прошло несколько минут, казалось, девушку вот-вот начнут охватывать волны наступающего оргазма. Вдруг, он резко убрал руку и встал на ноги. Прачка охнула от неожиданности.

– Сударыня вполне готова. Готовы ли вы, господин Афанасьев? Прошу вас, приступайте… – проговорил он.

Круглое лицо Афанасьева сильно покраснело, он растерялся, но стараясь не показывать виду, решительно подошел к девочке. Его руки долго возились со штанами, торопясь и путаясь в застежках. Наконец, он скинул их и прилег возле прачки. Все мальчики с любопытством наблюдали за происходящим. Рыжая красавица открыла зеленые глазищи и с наглым любопытством следила за неумелыми действиями высокого гимназиста. Ее губы скривились в презрительной усмешке, когда из-под пиджака отрока выскочил член весьма скромных размеров, никак не гармонирующий с его долговязой фигурой. Послышались возгласы одобрения и призывы к действию: «Афанасьев, ну что ты, медлишь? Вставляй ей! Она ждет! Отходи ее по полной» Гимназист решительно двинулся навстречу: нескладное тело, выпирая белым тощим задом, неуклюже задергалось, маленький гость, не найдя правильный путь, уперся девочке в ножку. Прачка выразила полное неудовольствие, хотела даже соскочить с покрывала. Махнев решительным жестом заставил двух других гимназистов держать ее за руки и плечи. Дернувшись пару раз, Афанасьев замер: семя изверглось на ногу рыжей распутницы. Совершенно оконфуженный он встал с покрывала, пряча карие глаза, подхватил брюки.

– Право и не знаю, друзья: что со мной сегодня такое? У меня никогда не возникало проблем с дамами. Честное слово, просто не мой день… – краснея, оправдывался он.

– Мы вам верим, господин Афанасьев, – лукаво улыбаясь, отвечал ему Махнев. – В следующий раз у вас непременно получится в самом наилучшем виде.

Девочки сунули в рот пару леденцов, чтобы она не говорила лишних слов. Владимир пригласил следующего.

– Теперь, вы, господин Слепцов. Приступайте!

Слепцов оказался ненамного более умелым любовником, чем предыдущий гимназист. Обнажив короткий толстенький член, он все же ввел его в положенное место, вызвав чувство небольшой признательности со стороны сладострастницы. Однако действия его были столь же недолгими, как и у Афанасьева. Прачка лежала мокрая от семени, но совсем не удовлетворенная.

Маленький и робкий гимназист Милов и вовсе отказался показать себя, так как признался, что «грех» с ним случился еще тогда, когда он увидел голый лобок рыжеволосой красотки.

– Я того… я постою немного, а потом приступлю, – ответствовал он скромно.

Желающих полюбить прачку больше не оказалось… На передний план выступил наш красавец Вольдемар. Спокойно сняв брюки, он аккуратно сложил их и повесил на куст. Глазам удивленных зрителей предстал такой огромный инструмент, какого невозможно представить… Ошеломленные мальчишки не могли отвести глаза от такого внушительного орудия. А девочка чуть не подавилась леденцом, к голу подступил внезапный кашель. Не мешкая и не говоря лишних слов, Владимир велел ей перевернуться и встать на колени, приподняв круглый зад. Затем, он немного пощекотал срамные губки и маленькую горошину, таящуюся внутри влажных лепестков плоти. Убедившись, что девочка снова достаточно возбуждена, не медля, загнал свое орудие в скользкую упругую норку. От таких огромных размеров девочка вскрикнула, закусив нижнюю губу, по щекам потекли слезы.

Он довольно долго занимался любовной игрой, сильные руки нежно и властно поворачивали прачку то передом, то задом. Девочка стонала от возбуждения: рыжие волосы выбились из косы; из расстегнутого ворота выпали круглые спелые груди; запахло потом – тем сладким и едким потом, который присущ только рыжеволосым женщинам. Она наморщила лобик, рот судорожно ловил воздух, красный язычок выскочил наружу. Мгновение – и ее лицо скорчилось в мучительной гримасе: оргазм сотрясал полное тело.

– Она спустила! – крикнул гимназист Милов.

В эти минуты Владимир ощущал себя самым главным самцом, самым главным повелителем, самым могущественным мужчиной. Согласитесь, у него были достаточно веские причины, считать себя таковым.

С этих пор ему стали по вкусу именно групповые проявления плотских отношений. Именно оргии, впоследствии стали его излюбленным занятием.

Он испытывал огромное удовольствие не только от самого занятия любовью, но более ему нравилось, когда несколько пар возбужденных глаз наблюдают за ним и восхищаются его силой и могуществом.

Гимназисты смотрели на эту потрясающую сцену и, не стесняясь, онанировали рядом. Когда все закончилось, девочку подняли на ноги, вручили ей деньги и оставшиеся в кульке конфеты. Часть конфет потихоньку скушал Милов.

После этого случая, авторитет Владимира вознесся буквально до небес.

Глава 2

Шли годы, Владимир взрослел, набирался опыта. Его яркая личность и раскованное поведение имели ошеломительный успех в светском обществе. Он был только студентом, а про него ходили целые легенды – их пересказывали друг другу молодые девушки и зрелые дамы. Каждая мечтала о том, чтобы этот необыкновенный красавец и щеголь обратил на нее свое пристальное внимание. Но не каждая красотка получала желаемое. Порой, Владимир вел себя слишком вызывающе, фраппировал, давая понять той или иной светской львице, что он не нуждается в излишней опеке, либо откровенно и холодно ее игнорировал. Такое поведение интриговало, создавало нашему герою тот флер таинственности, который необычайно притягателен для женского пола. В кругу близких приятелей он не раз давал оценку дамам высшего общества.

– Что, нынешние дамы? Mille pardons[1 - Тысячу извинений (франц.)], господа, – иная сидит вся бледная, словно мукой с головы до ног обсыпана. А уж как в корсет затянута: того и гляди – переломится. Нет, если говорить откровенно, то я в женщинах не люблю худобы излишней, да бледности, – с иронией говорил он, – вы, знаете, господа, что я слыву эпикурейцем и гурманом? И мне, как гурману, более по душе аппетитная ножка жареной индюшки, нежели обглоданная кость.

– Знаем, Вольдемар, о каких гастрономиях вы речь ведете, – со смехом возражали ему товарищи.

– Именно о тех и веду-с. Я полную ножку с маленькой ступней ценю превыше всех достоинств. А румяные щечки и полные груди мне милее булочек с кремом.

– Так вам, Вольдемар, надобно не со светскими цирцеями романы водить, а ехать к матушке в имение. Там Дуни, да Параши вполне удовлетворят ваши гастрономические изыски.

– Полно вам, господа, смеяться, – говорил он лукаво. – Я еще тут немного порезвлюсь. Набедокурю чуток. А, как надоест – поеду домой в деревню. Там девки ждут меня, не дождутся, слезы льют.

– Махнев, да ты только в деревню-то сунешься, – матушка тебе быстро хомут на шею приладит. Не успеешь оглянуться, как женит на какой-нибудь соседской дочке. И… Adieu… Пиши – пропало!

– Типун вам на язык! Женит! Как же! С женитьбой я повременю, и то ежели миллионы в приданое дадут, и жена, чтобы глухонемая была. А так – увольте. C'est impossible[2 - Этого не может быть (франц.)] – легко пикировался он. – А знаете, господа, я тут на раунде у Дубоносовых был третьего дня, там такой бутончик у генерала расцвел. J’ai une insomnie[3 - У меня бессонница (франц.)], как увидел ее груди.

Надо бы сойтись с ней поближе.

Наш герой с головой уходил в светские романы. Они порой тяготили, в них нельзя было дать воли разгулу страсти и похоти. Общество навязывало ему свои моральные законы и стиль поведения. Владимир, будучи откровенным бунтарем, циником и нигилистом, более всего мечтал сокрушить эти самые законы.

Известно, что со своим уставом в чужой монастырь нечего и нос совать. Так и бунтарские взгляды Махнева приводили его лишь к кутежам и попойкам в дружной компании молодых повес и долгим философским излияниям. Именно на этих попойках, которые длились порой неделями, «золотая молодежь» отводила душу. Часто на эти гульбища приглашались дамы полусвета, либо откровенные шлюхи. Последние, особенно пользовались успехом на подобных мероприятиях.

Владимир хорошо помнил один случай, как на вечеринку подвыпивших студентов, а их было пятеро, включая Вольдемара, пригласили девушку легкого поведения. Она была очень молода, заняться этим нелегким и гибельным ремеслом ее принудили тяжелые жизненные обстоятельства. Девушка выглядела справной, но не полной: плотный корсет охватывал гибкую талию, выставляя напоказ аппетитные груди. Темно-русые локоны спускались на плечи, на голове красовалась голубая шляпка с искусственными цветами, черная вуалетка закрывала карие с длинными ресницами глаза. Она сильно робела от неопытности, смущалась под наглыми взглядами выпивших студентов. Бросалось в глаза то обстоятельство, что, это был едва ли не первый случай ее вынужденного грехопадения, это же и немилосердно притягивало, давая ей высокую оценку. Девушка старалась улыбаться, но улыбка получалась жалкой, натянутой и вымученной. Хотелось отбросить все условности и взять смущенную «жрицу любви» под опеку, заботиться о ней, как о ребенке. Владимира в глубине души посетила эта внезапная мысль, но он тут, же отмахнулся от нее, как от назойливой мухи и подавил в себе неуместный приступ жалости.

Выпив бокал вина, он осмелел еще сильнее. Друзья везде и всюду смотрели на него, как на вожака. Он велел раздеть красавицу, невзирая на слезы и молящие взгляды последней.

– Mademoiselle, к чему все эти слезы? Вы знали, зачем вас пригласили сюда. Вам хорошо заплатят, Mon Cher. Расслабьтесь, и выполняйте свою работу.

После он положил ее на стол, раздвинул длинные ноги и приступил… Эти минуты нравились Владимиру более всего, страсть к групповым оргиям входила в его кровь, как змеиный яд, отравляя весь организм. Девушка воспринимала все, как должное, отвернув гордое лицо и крепко зажмурив глаза. Лишь изредка с губ срывался слабый стон, руки лихорадочно теребили лайковую перчатку – она покусывала ее белыми мелкими зубами… После того, как Вольдемар всласть наигрался с девицей, он освободил место товарищам. Они по очереди воспользовались своим правом… Ушла она под утро, еле живая и наспех одетая: темные локоны растрепались и висели по плечам длинными прядями, шляпка смялась, лицо осунулось, маленькие ручки прижимали к груди увесистый кошелек с деньгами – студенты заплатили тройную цену. Впоследствии, совершенно случайно, до Владимира дошел слух, что один из его товарищей, участвовавший в этой оргии, некто господин Григорьев разыскал бедную девушку и выкупил ее из борделя. Он позаботился о ней и забрал к себе в имение.

Бывало и так, что в оргиях участвовали две или три женщины, соотношение партнеров менялось согласно барским прихотям.

Прошло еще несколько лет, Владимир Иванович Махнев давно служил в чине «коллежского асессора» при Сенате, получал сто тридцать пять рублей серебром ежемесячное жалование, и обращались к нему как: «Ваше Высокоблагородие». Он снимал шикарную меблированную квартиру, вел светский образ жизни, ездил по театрам, но… неимоверная скука терзала его тонкую балованную натуру. Наконец, он решился подать в отставку и переехал в фамильное имение в Нижегородскую губернию.

Матушка Анна Федоровна вначале не очень одобрительно отнеслась к поступку сына, ей хотелось, чтобы Владимир поднялся еще выше по карьерной лестнице. Но вскоре она смирилась с его решением, тем паче, что сильно скучала во время его долгого отсутствия. Владимир стал осваиваться и привыкать к вольной деревенской жизни.

Себе в помощники он взял молодого приказчика Игната Петрова, тридцатилетнего смуглого красавца казацких кровей, которого знал с раннего детства. У приказчика были черные, как смоль волосы, резко очерченные скулы. Его темно-карие, чуть диковатые глаза многих смущали, а иных и в трепет приводили. Ходил он в красной шелковой косоворотке, темных брюках и черных кожаных сапогах. Поверх косоворотки надевал отороченную мехом тужурку, на голове носил картуз, из-под которого выбивался черный кудрявый чуб. Сильные, смуглые руки поигрывали кожаным канчуком. Игнат был выходцем из крепостных дворовых людей семейства Махневых. Отец его при жизни служил камердинером у матери Владимира. В детстве, воспитываясь и часто играя с барским сыном, он неплохо усвоил грамоту, немного французский и слегка научился правильным манерам. И все же, в усадьбе Махневых к нему все относились как к мужику, а не как к барину, зная о его происхождении, и видя его хозяйственную смекалку и любовь к лошадям. Дворовые побаивались Игната за суровый и горячий нрав, который достался ему от смуглой, похожей на цыганку матери, и уважали, отчасти потому, что Владимир обращался с ним как с товарищем и благоволил ему во всем.

Необходимо сказать, что Владимир Махнев, будучи человеком гордым, заносчивым и тщеславным, в глубине души нуждался в постоянной поддержке единомышленника. Многие душевные сомнения и трусливые наклонности

рассыпались в прах при молчаливом поощрении такого брутального товарища, коим был Игнат. Последний с огромным восхищением и пониманием относился к смелым и безрассудным идеям своего барина. Владимир Иванович служил кумиром для Игната. Гулять и пакостить в одиночку Владимиру было: ох, как не с руки… Да и потом, фантазии его и склонность к оргиям требовали не приватного интимного участия, а присутствия нескольких персонажей. Одним из любимых персонажей оргий, его главным сотоварищем и являлся смуглый красавец Игнат Петров.

Одним погожим июньским утром к поместью Махневых подъехал легкий экипаж. Распахнулась дверка, пропустив изящную ножку в летней туфельке и край пышной юбки. Затем на свет божий показалась хорошенькая молодая барышня. На вид ей было не более восемнадцати лет. Одета она была скромно, но со вкусом: серое шерстяной платье мило обтягивало стройную фигуру, белый кружевной воротничок и манжетки придавали платью девичью трогательность и обаяние. Небольшая шляпка прикрывала раскрасневшееся на солнце лицо. Роста она была высокого, не худая и очень статная. Это была племянница покойного отца Владимира Ивановича, его троюродная кузина. Все ее родственники умерли, и крестная мать девушки написала письмо Анне Федоровне с просьбой приютить племянницу, и возможно, дать ей место гувернантки в доме, чтобы «даром не есть хлеб». Девушка сильно смущалась, стоя на террасе, пока Анна Федоровна читала письмо.

В это время Владимир смог хорошенько рассмотреть свою бедную дальнюю родственницу. Она была необычайно хороша собой и по-девичьи чиста. Матовый тон кожи поражал свежестью и здоровьем, блестящие, словно промытые фиалковые глаза, обрамленные длинными темными ресницами, смотрели на мир смущенно и по-детски непосредственно. Русые волосы, цвета пшеницы были заплетены в длинную косу, перекинутую через плечо. Высокая пышная грудь притягивала взгляды… Казалось, девушка даже не догадывается о том, что она настоящая красавица: в ней не было и тени кокетства. Движения, мимика, звуки голоса – все было естественно и гармонично. Звали ее Глафира Сергеевна.

Владимир без стеснения, разглядывал Глашу, она же смущаясь, краснела и прятала глаза от наглого красавца. Забегая вперед, скажем, что Глафира Сергеевна окончила Петербургский Екатерининский институт, неплохо говорила по-французски, была достаточно образована для своих юных лет и очень романтична по своей природе.

– Это в какой же оранжерее, сей дивный цветок произрастал-с? – присвистнул Владимир, серые глаза рассматривали девушку с нескрываемым восхищением. – Mille pardons, сударыня, позвольте-с поцеловать вашу ручку. Je suis tres heureux de faire votre connaissance.[4 - Рад с Вами познакомиться. (франц.)]

Глафира Сергеевна смутилась еще сильнее, робкие глаза смотрели в сторону.

– Maman, а почему вы ранее не говорили мне, что в нашей немногочисленной родне такие вот девушки – красавицы существуют? – не унимался он.

– Вольдемар, полно тебе шутить. Займись, лучше делом. Ты, кажется, ехать куда-то собирался? – раздраженно отвечала мать.

– Да, какие уж тут, шутки! – игриво продолжал Владимир. – Стрела амура сердце насмерть пронзила… Не видите, Maman, я чуть живой стою.

Прочитав письмо, Анна Федоровна пристально оглядела девушку, ее лицо помрачнело.

– Ну, что ж, дорогуша, я, конечно, дам вам приют в моем доме, как просит за вас крестная. Но, ума не могу приложить, какое бы вам найти достойное занятие… Ведь вы, пожалуй, что воспитаны, как барышня, и вам не знакома грубая работа по дому. Вон, я смотрю, что и ручки-то у вас слишком изнежены, – недовольным голосом произнесла Анна Федоровна.

– Ну, Maman, не стоит так уж смущать нашу дорогую гостью, – заметил Владимир, – пусть она пока располагается в доме и отдохнет с дороги.

– О, Madame, вы так добры, что даете мне приют, – пролепетала Глафира Сергеевна, – я вовсе не белоручка, и смогу исправно помогать по хозяйству. Кроме наук в институте нас многому обучали. Мы шили рубашки для солдат, кисеты, рвали корпию[5 - Корпия – нащипанные из старой хлопчатобумажной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал вместо ваты.]. Я умею хорошо вышивать, штопать белье и…

– Довольно с вас и этого, – надменно прервала ее Анна Федоровна, – поживете пока, а там – посмотрим. Может, я вас выдам замуж, коли найду подходящего

жениха, хотя, без приданного – это будет сделать непросто.

Глаша была сильно смущена и подавлена этим коротким разговором, тяжелые предчувствия стали закрадываться в светлую девичью душу. Она понимала: тетка не так добра, как про нее говорили родственники, а кузен Вольдемар смотрит столь пристально, что ей становилось волнительно и одновременно тревожно.

Глафире Сергеевне отвели небольшую комнатку на первом этаже в одном из господских домов. В комнатке стояла небольшая кровать, покрытая светлым пикейным покрывалом. Строгие образа взирали со стены из-под белой льняной, с вышивкой шторки, под ними теплилась маленькая лампадка. Старый, обшарпанный комод с медными ручками, стол и пара стульев с круглыми деревянными спинками – таковым было скромное убранство комнаты.

Вопреки тяжелым ожиданиям, дни в поместье Махневых потянулись спокойно, своим чередом. Анна Федоровна не сильно утруждала племянницу работой, скорее барыня присматривалась к ней. Бывало, выйдет Глафира утром на террасу, присядет для поклона.

– Bonjour Madame[6 - Доброе утро, Мадам (франц.)], – и дальше по-французски.

Тетка кивнет в ответ, сморщится как от клюквы, сделает вид, что поняла. Глаша вызывала у нее женскую зависть и легкое раздражение. Глафира старалась изо всех сил, чтобы понравиться тетке: говорила вежливо и часто по-французски, делала книксены. Все напрасно… Наоборот, будь девушка опытней, то поняла бы, что все ее старания выглядеть ученой и воспитанной вызывают в тетке лишь тайную злобу. Прикинься она простой и недалекой, глядишь – быстрее бы добилась теткиного расположения.

Анна Федоровна любила всегда и везде чувствовать себя самой умной, образованной и авторитетной особой. Раздражало ее и то, что сын Владимир буквально не сводил глаз с новой родственницы.

Глаша гуляла по саду, читала романы, и подолгу о чем-то мечтала. Иногда она ходила к пруду, снимала легкие, летние туфельки, ноги с удовольствием окунались в прохладную воду. Из домашней прислуги с ней мало, кто пока разговаривал, видя в ней не ровню себе, а все-таки барышню. Она пару раз встречала с утра девушек-горничных с заплаканными лицами, но боялась спросить о причине слез.

Глаша и сама частенько плакала. Она скучала по дому, институтской жизни, по той особой атмосфере чистой и непорочной девичьей дружбы, о классной даме, о директрисе. Вспоминался и выпускной бал, а после прощание с подругами, с которыми пролетело шесть незабываемых лет… Потом возвращение домой, и как гром среди ясного неба, новость о смерти папеньки. Ей не сообщили об этом трагическом событии, дабы не расстраивать ее накануне выпускных экзаменов. Дома ее ждала больная мать, слабеющая день ото дня, после похорон любимого супруга. Словно горячка, Глашей овладело желание сделать для несчастной все возможное, дабы облегчить ее невыносимые страдания. Она и делала, но получалось все нескладно. Она поправляла подушку, поила мать горячим декоктом[7 - Декокт – тоже, что взвар или травяная настойка.], но та давилась и кашляла. Бледная кисть матери делала в воздухе слабые движения, словно она пыталась отмахнуться от назойливой сиделки.

Именно в то время Глаша поняла, как отодвинула ее институтская жизнь от жизни реальной, в которой случалась нужда и умирали близкие. Ей было странно взирать на потускневшее и состарившееся от горя лицо матери, которая в молодости слыла записной красавицей и блистала на балах. Мама умирала, а душу Глафиры разрывало на части от тяжкого несоответствия ее мечтаний и грубой правды жизни, коя замешана на нестиранных, влажных от пота простынях, запахе лекарств, грубости прислуги и презрительного взгляда лекаря, которому нечем заплатить за визит. Молодость жаждала радости, веселья, мужского внимания, нарядов, танцев и летних вечеров. А были похороны. Обычные среднерусские похороны, на которых присутствовал старый пьяненький и шепелявый дьяк и несколько близких к maman подруг.

Далее память все время выкидывала тот отрезок воспоминаний, когда Глаша осознала свое полное сиротство. Месяц безутешных рыданий. Хождение в церковь и на могилу родителей. Долги, неоплаченные счета, продажа имения. Лихорадка. Приезд крестной. Долгое выздоровление. Письмо.

Дорога. И вот она здесь…

Глаша любыми средствами старалась гнать от себя меланхолию. Иногда она нарочно декламировала стихи Державина или Пушкина. Бодрилась, принималась вальсировать сама с собой и невидимым кавалером. Слезы высыхали, и она предавалась мечтаниям, кои по младости лет кажутся важными, возвышенными и имеющими большую надежду, что сбудутся в реальности. Спустя годы, воспоминания об этих мечтах вызывают в лучшем случае, лишь улыбку. Она мечтала о том, что, несмотря на все невзгоды, будет у нее жених, непременно красавец, ? la Byron[8 - Подобно Байрону (франц.)], или, как кузен Владимир. И что будут они гулять вместе и говорить о поэзии… Он возьмет ее за руку, поцелует и скажет, глядя в глаза: «Сударыня, я люблю вас безумно! Станьте, моею женой». О дальнейших событиях Глафира имела весьма туманное и поверхностное представление: его рука притянет талию; губы сольются в поцелуе; а потом, почему-то хотелось, чтобы он прижал ее сильнее и непременно к стене, да так, чтобы стало горячо и тесно полным грудям… Тот, кто прижимал к стене, как не странно, имел лицо Владимира, его фигуру, руки, запах. В этом месте Глафире становилось жарко: мучило телесное томление. Бывало, она гладила свое нагое тело, руки касались плотных сосков, скользили по бедрам – дальше этого дело не шло…

Владимир Иванович часто наблюдал за кузиной. Она безумно нравилась ему. Но так, как она была слишком целомудренна, чиста и невинна, он решил немного сдержать «огонь страсти». Он захотел потихоньку влюбить в себя неопытную девушку, бывшую институтку и принялся за ней ухаживать. Когда все собирались на террасе к фриштику[9 - Фриштик – завтрак, от немецкого Fruhstiick.], Владимир спускался чуть позже. С утра вдоволь накупавшись в специально обустроенной купальне, чисто выбритый и вкуснопахнущий, в белоснежной рубашке с открытым воротом, он производил божественное впечатление на Глафиру Сергеевну. Его изящные манеры, дерзкий взгляд холодных серых глаз, красивые, но по-мужски сильные руки буквально завораживали бедную девушку. Кузен был необычайно остроумен за столом, вежливо говорил: «Bon appetit!»[10 - Приятного аппетита! (франц.)], и умел галантно ухаживать. Словом, Глаша все сильнее влюблялась в этого жестокого демона. Выходя на террасу, особенно, когда не было поблизости матери, Владимир рассыпался в комплиментах:

– Ах, Глашенька, divine[11 - Божественная (франц.)], как вы, сегодня хороши! Ваши ангельские глазки похожи на яркие цветочки. Губки у вас, словно кораллы,

а зубки – чистый жемчуг. Пальчики… О, ваши пальчики я съел бы, как спелый виноград. Не прячьтесь от меня, цветик мой.

Глаша, не выдерживала столь лестных для нее, но погибельных слов и убегала, закрыв лицо руками.

Часто во время прогулок по саду или вдоль берега большого пруда Владимир сопровождал Глафиру. Он развлекал ее потешными историями, читал стихи и тем самым все сильнее входил к ней в доверие. Долгие разговоры о поэзии позволяли Глаше увидеть в кузене человека образованного, тонкого и думающего. Владимир легко мог уболтать и более опытного собеседника, не то, что наивную и доверчивую девушку. Глаша слушала его, затаив дыхание – восхищению не было предела. Невольно идеализируя этого красивого мужчину, она мысленно приписывала ему те достоинства благородной натуры, о коих он даже не подозревал.

А он – шельма, зная хорошо свое кобелиное дело, играл с ней, как кошка с мышкой: то посмотрит строго; то рассмешит и сам смеется, выставляя напоказ белые ровные зубы; то днями и взгляда не удостоит – словно, и нет ее… Потом вдруг опять становился нежным и внимательным без меры. Оконфузит ее, а сам уйдет по делам. Бедная Глафира весь остаток дня себе места не находит, лишь о нем мечтает: чтобы вниманием своим осчастливил.

Когда они были наедине, Глафира замечала на себе пылкие взгляды, сильные руки искали повод обхватить талию. Вместе они качались на качелях: от высоты перехватывало дыхание, натягивались веревки, подол платья развевался на ветру. В эти минуты она чувствовала себя необычайно счастливой, глаза видели его глаза, пальцы нечаянно касались его пальцев: от прикосновения кидало в жар. Прощаясь, он брал ее запястье, поворачивал к себе внутренней стороной: ручка девушки покрывалась цепочкой нежных и страстных поцелуев. Глаша в смущении отдергивала ладонь, от поцелуев шла кругом голова.

Теперь, лежа вечерами в кровати, она постоянно думала о Владимире, душа томилась, мысли путались, плохо спалось. Она садилась, руки обхватывали круглые колени, мечтательный взгляд устремлялся в темное звездное небо. Воображение уносило ее далеко, приподнимало над земной суетой, уводя в невиданные дали. Грезила Глаша о средневековых замках и доблестных

рыцарях. Один из рыцарей мчался на белом коне, длинная шелковая грива колыхалась на ветру, копыта лошади летели высоко над землей, желтая луна скользила средь туманных облаков, Млечный путь указывал дорогу. Рыцарские доспехи серебрились от лунного света. Он казался необыкновенно мужественным: плечи, облаченные в гладкие кованые наплечники, поражали широтой и размахом, узкий торс, затянутый в латы, гибко покачивался над седлом, сильные, обутые в железные сапоги ноги, крепко сжимали белые крутые бока лошади. Присмотревшись внимательнее, она увидела знакомый взгляд, рыцарь смотрел глазами Вольдемара. Спрыгнув с коня, он подошел к Глафире и встал на одно колено, рука, закованная в латы, трепетно протягивала алую розу… Потом пошли другие видения: пестрая толпа, церковь, многоголосый хор, туман от кадила, сияние свечей… и она – Глафира в белом подвенечном платье. Поворот головы, глаза находят знакомый профиль, волнистые волосы, широкие плечи, его улыбка, радость захватывает, как водопад, слышится звонкий смех… Гулко поет церковный хор, пение сливается с колокольным звоном, звон идет по всей земле, заливаясь медом в Глашины уши… Она засыпает… и снова грезит: вот стоит кровать, она убрана белыми лилиями, вокруг кровати плещется вода. Глаша падает: она обнажена, тело горит и плавает, словно на волнах. Подходит он, ложится рядом, сильные руки обнимают, губы ищут ее губы, долгий поцелуй, он прижимает ее сильнее, ей хорошо и тепло. Пальцы проводят по мужественному подбородку, погружаются в темные кудри. Но, что это? Под руками уже не волосы любимого, а мягкий комок… Он растет и ширится, и вот перед ней на кровати сидит огромный серый кот: глаза полыхают желтым огнем: то не глаза – а две луны, плывущие по темному бездонному небу. «Котик, откуда, ты, здесь взялся? Иди ко мне. Кис-кис!» – силится сказать Глаша, но губы не слушаются, язык распух, из горла рвется хрип. Наглый котяра, запрыгнув на грудь, оскалил белые зубы: душно и тяжело дышать. Глаша схватила кота и сбросила на пол, кот выпустил острый, как бритва коготь, и полоснул им по рукам и груди: тонкими струйками побежала кровь, крупные пухлые капли застучали по деревянному полу. Глаша проснулась: рубашка была мокрой от пота. «Прочь ночь, прочь сон…» – прошептала она в темноте, – «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…» Не дочитав молитвы, она снова погрузилась в глубокий сон, теперь без сновидений.

Владимир Махнев настолько взбудоражил и спутал мысли неискушенной Глафире Сергеевне, что она грезила о нем во сне и наяву. Он, вглядываясь в ее томные глаза, отчетливо понял: ему удалось осуществить первый этап своего плана – девушка была безумно влюблена.

Решив, что достаточно уже быть просто порядочным джентльменом и пылким воздыхателем, Вольдемар пошел на решительные действия. Улучив прекрасный момент, когда мать уехала погостить к подруге в соседнее поместье, поздно вечером Владимир, искупавшись в купальне, опрыскал себя французским, специально привезенным из Парижа одеколоном, и, надев шелковый турецкий шлафрок поверх тонкой ночной сорочки, взял свечу и спустился в коридор, который вел к комнате Глаши.

Глава 3

Было около часу ночи, когда уши Глафиры Сергеевны уловили едва слышный стук в дверь: словно кошачья лапка поскреблась по дереву. Через минуту стук усилился. Она оторвала голову от подушки, рука нашарила в темноте свечу, ровный спокойный огонек осветил маленькую комнатку. Накинув халат, Глаша тихонько подошла к двери.

– Кто там? – испуганно прошелестел голос.

– Это я, Глашенька. Сделайте милость, откройте, пожалуйста? – прошептал он в замочную скважину.

– Что случилось, Вольдемар? Уже слишком поздно.

– Не гневайтесь, друг мой. У меня к вам важный разговор.

– Побойтесь бога, Владимир, неужто этот разговор не подождет до утра?

– Нет, радость моя. Промедление может оборвать течение моей жизни.

– О, Господи!

Рука нашарила щеколду, послышался легкий скрип, дверь приоткрылась, пропустив темную высокую фигуру. Желтое пламя свечи снизу освещало лицо Владимира, искажая черты красивого лица: нос выглядел длинным и крючковатым, глаза смотрели как два бездонных колодца, уголки рта хищно

спускались к подбородку. Но вот он поднял огонь повыше, мелькнули длинные тени и рассыпались по углам, все встало на свои места: мистически страшное лицо вдруг приобрело знакомые родные черты. Он стоял к ней так близко, что она отчетливо слышала стук его сердца, чувствовала теплое дыхание. Запах одеколона безумно понравился Глафире: он придавал особую торжественность и мужественность его владельцу. Никогда в жизни она не нюхала ничего подобного.

– Владимир, что случилось? Что вас привело ко мне в такое позднее время?

– Не сердитесь, цветик мой. И не прогоняйте меня. Я просто сильно соскучился, – вальяжно ответил он. Рука потянулась к Глафире.

– Я не понимаю вас, сударь. К чему все эти уловки? Вы пользуетесь моим к вам пристрастным расположением. Не губите мою репутацию. Покиньте, пожалуйста, комнату, – отпрянув, возмущенно проговорила она.

– Ну вот, я еще ничего-с не сказал вам, а вы гоните меня, – обиженно протянул он. В голосе послышалась плохо скрываемая ирония. Он решительно прошел вглубь комнаты и сел на стул.

– Я не смею вас гнать, тем более что это ваш собственный дом, а я лишь из милости у вас проживаю. Но все же, я девушка порядочная и потому, прошу вас покинуть меня в столь компрометирующий час. Тем паче, вы, милостивый государь, не считаете нужным объяснить свой поступок.

– Да полно, вам, Глафира Сергеевна. Вот я из Володи сразу же в «милостивого государя» превратился. Стыдно вам, должно быть. Я со всей душой, а вы… Да и не шумите так громко. В доме все спят, матушка уехали-с. Чего же вам бояться? Да и я – не серый волк: чай, не съем такую красавицу. Начнете громко говорить – сами себе компрометацию и устроите.

Глаша совладала с испугом и присела на другой стул, в тишине послышалось пение сверчка.

– Ну?.. Успокоились? Вам в детстве сказок, что ли про злодеев много читали? Или классные дамы внушили опасность любого мужчины? Глашенька, разве похож я на злодея?

– Вы знаете, Володя, как я к вам отношусь, – она смущенно опустила голову.

– А разве вы, не видите, что я тоже вас полюбил? Полюбил с самого первого взгляда, – в голосе прозвучала неподдельная страсть. Он пересел на кровать, рука потянулась к ее руке.

– Иди, ко мне, – прошептал он.

– Володя, не губите меня, – проговорила она, – если любите, проявите снисхождение.

Рука Махнева, как хищный зверек, цапнула добычу и потянула к себе: девушка быстро оказалась на кровати подле своего кузена. Мягкая перина утопила обоих в удобной колыбели: Глаша старалась отодвинуться от своего искусителя, но все время соскальзывала ближе и ближе. Наконец, она почувствовала, что лежит рядом: его широкий торс в шелковом шлафроке чуть нависал над ней. Сердце стучало где-то у горла. Прекрасный аромат Фарины[12 - Фарина, Иоганн Мария (1685–1766) – основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколона.] сводил с ума. Одурманенная и вмиг поглупевшая от новых ощущений, она спросила без обиняков.

– Володя, вы, обещаете, что… женитесь на мне?

– Угу…

– А вдруг ваша матушка будет против? Она ведь не любит меня – я чувствую.

– Перестань, любовь, моя. Это все пустяки. Я сам себе хозяин. Не позволит – я украду тебя, и мы уедем далеко-далеко….

После этих слов он принялся сначала дурашливо рычать и кусаться. Затем, плохо владея игрой, перешел на страстные, долгие поцелуи. Эти смертельные поцелуи доводили Глашу до обморочного состояния: она, не владея собой, вся поддалась навстречу страстному натиску. «Что я делаю? Он ведь погубит меня», – пронеслось в голове.

Казалось, она падает в глубокий колодец, у которого нет конца. Понимала, что ничего нельзя изменить: ее судьба решена. Если это злой рок – она умрет, но в эту минуту не было силы, которая могла бы оторвать ее от любимого… Глаза Создателя мрачно и скорбно взирали с потемневшей от времени иконы: они будто оплакивали заблудшую Глафирину душу. Создатель знал наперед: сколько страданий принесет этот красивый демон юной и неопытной Глафире.

Тем временем, Владимир не спеша раздел девушку. Она слабо сопротивлялась, но он был настойчив. Его взору предстала потрясающая картина: стройное, в меру полное тело было настолько аппетитным, что захватывало дух. Ровные, чуть загорелые плечи матово поблескивали в неровном пламени свечи. Ниже – белыми полусферами круглились большие упругие груди. Они были настолько совершенны, что казалось: написаны искусным художником на полотне, изображающем саму Афродиту. Розовые твердые соски венчали сие пышное великолепие. Ниже шла узкая гибкая талия и чашеобразный девичий живот. Широкие бедра наводили на мысль, что в будущем эта женщина свободно родит несколько здоровых детей. Стройные полные ножки казались удивительно длинными, глаза слепли от их потрясающей ровности и белизны. Тонкие щиколотки переходили в узкие и легкие ступни с нежными розовыми ногтями и кругленькими пятками. О, как высоко оценивал Вольдемар такие женские ноги! Великий знаток красивых лошадей и женщин, он знал: тонкая щиколотка присуща лишь породистым экземплярам.

В устье шикарных ножек прятался девственный пухлый лобок, темные мягкие волоски покрывали его, словно молодая травка свежий лужок. Длинные пряди русых волос живописно разметались по подушке, алые раскрытые губы темным пятном выделялись на белом лице. Владимир хотел было тут же овладеть вожделенной красавицей, но сдерживая с огромным трудом свой пыл, решил немного повременить: он знал по опыту, что с такой ранимой женщиной надо быть чуть терпеливее и нежнее. Чтобы не испугать ее огромными размерами детородного органа – не стал до конца раздеваться. Халат прикрывал вздыбленную плоть, натянутую сверх всякой меры от адского вожделения.

Он решительно погрузил руку в пухлый лобок, пальцы почувствовали хорошо знакомую, скользкую влагу. Пожалуй, ее было слишком много: это многообещающе давало надежду на то, что несравненная кузина должна обладать сильным темпераментом. От дерзкого проникновения ножки сжались – хозяйка не хотела впускать столь решительного и наглого гостя.

– Ой, Вольдемар, не надо!

– Детка, ты вся течешь: потрогай сама… Дай, сюда пальчик, – он взял ее руку и положил на лобок. – Видишь? Чувствуешь?

– Да… Что это?

– Это твой любовный нектар. Он течет, когда ты сильно возбуждена.

– Зачем?..

– Он помогает всаднику легко идти своим путем.

– ?

– Delicieux![13 - Прелестно, вкусно, ароматно (франц.)] Ты поймешь позднее. Пока молчи… – поцелуй закрыл губы от новых вопросов. Пальцы стали нежно и решительно гладить распухающий бутон.

Глаше было так хорошо, что ноги раздвигались в стороны, повинуясь неведомой всесокрушающей силе.

– Ах! Боже мой…

– Глашенька, солнышко, скажи: приходилось ли тебе самой когда-нибудь ласкать себя между ножек?

– Как?..

– Так же – пальчиками…

– Нет…

– Я расскажу тебе немного из курса анатомии… Хотя в институтах благородных девиц не считают нужным говорить о таких подробностях, по ханжески определяя сии знания, как постыдные. Я полагаю, что даже в курсе биологии

вам ни слова не говорили о размножении видов… Я же, придерживаюсь иного мнения и считаю, что природа наделила мужчин и женщин этими маленькими радостями не только, чтобы производить потомство, но и испытывать огромное счастье и вкус жизни, хваля Создателя.

Говоря все это, он не вынимал длинные пальцы из ее мокрого лона: немного тянул удовольствие – то двигал ими, то замирал. Эта тактика настолько распаляла желание, что Глафира мучительно постанывала, глаза закатывались от страшного наслаждения. Не помня себя, она сама старалась двигаться поступательно – лишь бы получить желанное трение.

– Так вот, мой цветик, я продолжу. Тот трепетный бугорок, что находиться у тебя в середине пухлых и прекрасных губок называется секелем или клитором. В нем заключена самая таинственная сила: именно эта горошинка доставляет женщинам столько неисчерпаемой радости. У девушек сия горошинка не очень велика, с возрастом и от постоянных упражнений – она укрупняется в размерах, становится сочнее… У некоторых женщин размеры ее соизмеримы с крупными ягодами. Эти ягоды так же и вкусны…

Он встал на колени возле ее ног, пальцы нежно взялись за края срамных губок и развели их в стороны, ловкий язык, погрузившись в сочное лоно, принялся исступленно ласкать нежную плоть. Минута – и Глаша впервые испытала нечто удивительное: словно огненный шар опалил естество, сводя сладостной судорогой гибкое тело.

– Ну вот, моя радость, ты и спустила, – проговорил он. – Хорошо тебе?

– Да… Что это было?

– Не страшно?

– Нет… – она смущенно прятала лицо.

– Отдохни, немного. Потом мы продолжим наши упражнения. Или, ты подумала, что это все? – он тихонько засмеялся. – Забавно встретить такую наивную особу, как вы, Глафира Сергеевна. Ну, ничего: опыт дело наживное. А для меня сия неискушенность являет собой самый дорогой дар, посланный с небес. Невинность ваша дорогого стоит… Многие мужчины бы за это большие деньги

заплатили.

– О чем это вы, Вольдемар? Как это можно купить?

– Да так, радость моя, ни о чем. Люблю вслух поразмышлять. Ты, полежи здесь немного, я схожу в погреб за бутылкой вина. Нам надобно отметить наше сближение. Да и вообще, – сладкие капли Бахуса дадут больше крепости и смелости перед предстоящими испытаниями. Я мигом… Надеюсь: теперь ты впустишь меня. Ведь, я не серым волком оказался, – улыбка играла на тонких губах.

– Впущу… – застенчиво ответила она.

Через несколько минут он вернулся, пузатая бутылка темного портвейна оказалась на столе. К портвейну прилагались ванильные печенья. Его рука протянула Глаше круглый бокал, наполненный бордовой живительной влагой. Глаша приподнялась с подушки и села: длинные волосы прикрывали роскошную попу. Владимир невольно залюбовался ее фигурой.

– Глаша, ты настоящая Венера. У тебя поистине божественное сложение.

Редко встретишь таких красавиц, как ты.

– Ну, что вы, Вольдемар, – она опять смутилась, руки искали простынь: прикрыть наготу.

Он убрал простынь из ее рук.

– Не закрывай свою красоту. Позволь полюбоваться твоими прелестями. Пей вино, и не думай ни о чем.

Она жадно выпила бокал вина, узкое горло дрожало от больших глотков. Он с удовольствием смотрел на запрокинутую длинную шею. Губы тянулись целовать эту манящую нетронутую белизну.

Перед глазами Глафиры поплыл воздух, движения стали плавными, хотелось смеяться и громко говорить. Она вскоре обнаружила, что сидит на коленях у

Владимира, левая его рука держит ее за грудь, правая гладит бедра. В глазах у Глаши сверкали и переливались искры, идущие от пламени свечей, в уши вливался теплый пар: то был не пар – это был шепот Владимира. Он говорил такие непристойные вещи, которые заставляли краснеть лицо. Она тихонько смеялась, маленькие ладошки прикрывали горячие щеки. Глаша остро почувствовала, что ей неудобно сидеть на его коленях: в бедро упирался какой-то твердый предмет, похожий на деревянный брусок. Она немного поерзала на месте: предмет не удалился – он продолжал выпирать, прикрытый шелком шлафрока.

– Вольдемар, там что-то мешает…

– Ну вот, дорогая, теперь мы подошли к самому главному в моей просветительской лекции. Садись, рядом. Я продемонстрирую тебе сей забавный предмет…

Он, не торопясь, скинул шлафрок, тонкая сорочка, снятая через голову, обнажила сильное мужское тело. Конечно, он был прекрасен, как бог: широкие плечи, узкие бедра, сильные руки, плоский живот – все было при нем. Но, главное: ниже живота, густо покрытого черным курчавым волосом, торчал и покачивался огромный предмет, похожий на небольшую дубинку.

Конец дубинки напоминал круглую красноватую шишку или огромную шляпку диковинного гриба. Глаша с удивлением смотрела на этот странный предмет.

– Вольдемар, qu'est-ce que c'est?[14 - Что это? (франц.)] Это ваше?

– Ну, а чье же, еще? – он расхохотался. В глазах выступили слезы. От хохота дубинка закачалась. – Присядь, чего ты соскочила? Не бойся, потрогай его пальчиками. Видишь, какой он большой и твердый. Это твоя красота сделала с ним это чудо.

– Не понимаю но, кажется, я догадываюсь… Я видела такое у коня, когда он покрывал кобылу…

– Этот предмет, Глафира Сергеевна, зовется членом, Penis, Phallos, удом, орудием Приапа[15 - Приа?п (др. греч.) – в античной мифологии древнегреческий бог плодородия. Изображался с чрезмерно развитым половым членом в

состоянии вечной эрекции.], дубинкой, молодцем, всего не перечислишь. Еще имеется трехбуквенное звание, которое мне более всего по нраву, но я не буду вслух его произносить… Ваше воспитание и происхождение не позволяет пока проявить свободу красноречия. Хотя, ей богу, именно трехбуквенное звание так идеально для сего предмета.

– Вы смущаете меня, Владимир! Неужто, это тот самый Penis, от коего бывают дети? Но, отчего он так велик?

– Вам повезло, дорогая, вы удостаиваетесь чести познакомиться с довольно неплохим экземпляром семейства Приаповых, – посмеиваясь, ответил он, – иные, опытные дамы, имеющие вкус к подобным вещам, дадут высокую оценку его размерам, ибо им, как никому, известны преимущества большого перед малым… Довольно разговоров: боюсь я – он треснет от натуги. Видишь, как раздулся от гордости. Скорее, возьми его в ручки.

Глашины пальчики несмело коснулись кожистого натянутого ствола.

– Какая, это мука, иметь отношения с девственной аристократкой! О, боже! Выдержу ли я? Надо скорее кончать с церемониями и лекциями, – простонал он. Но, увидев ее испуганные распахнутые глазищи, решил немного повременить. Сжав зубы, он продолжил, – впервые я выступаю в роли лектора по анатомии. Ладно, доведу дело до конца. Обратите внимание, Глафира Сергеевна, ниже члена идут два шарика. Называются они яичками, мошонкой, мудями, по латыни – тестикулами. В них сосредоточена мужская сила, они же являются сосудом семени… Довольно! Иди ближе!

Владимир подошел вплотную к Глаше, – она сидела на кровати, кротко взирая на его голое тело, более всего ее впечатлили размеры детородного органа.

– Поцелуй, его! Ну!

Глаша неловко чмокнула красноватую головку.

– А теперь, в твоих силах доставить ему еще большее наслаждение. Радость моя, открой пошире ротик и обхвати его губами, как конфету.

Глаша сделала все, как просил Вольдемар, но головка члена была столь крупной, что едва помещалась во рту. Она направляла член рукой. Владимир мычал от наслаждения. С непривычки у нее плохо получалось…

– Ладно, хватит… Не буду тебя мучить. Все впереди – научишься… Иди, я налью еще бокал вина. Пей, тебе нужно еще выпить. Извини, дорогая, сейчас тебе предстоит испытание не из легких. Но, я думаю, ты справишься с ним. Я сегодня играю в гуманиста и лектора по анатомии. А потому исполню партию до конца.

– Володенька, о чем ты? Я пьяна и плохо понимаю. Ты сказал: играю… Или мне послышалось?

– Тебе послышалось, радость моя. Не обращай внимания – я часто сам с собою говорю. Порой несу, что ни попади. Но и ты меня пойми – торжественность и важность момента… Разум помутился от любви, – сказав это, он снова припал к ее губам.

– Я пьяна, все кружится, но прижми меня еще крепче… И все же, я боюсь…

– Не бойся, любовь, моя. Я постараюсь быть аккуратным и нежным. Попрошу тебя встать на край кровати и приподнять свой восхитительный зад – такая поза наиболее физиологична для первого проникновения. В такой позе совокупляются многие животные. Эта поза одна из любимых на Востоке, где уделяется огромное внимание искусству любовных соитий.

Настойчивые руки поставили Глашу на край кровати: широкие бедра, приподнятые кверху, открыли прекрасный вид упругих полных ягодиц. Пламя свечи слабо освещало таинственный альков девственного лона. Владимир взял свечу, рука приблизила ее к вожделенному предмету, пламя быстро осветило лакомую красоту розовых и нежных губок. Он полюбовался нетронутой девственностью, несколько горячих поцелуев легли на влажную плоть. Глаша дрожала, предвкушая скорое проникновение.

Сначала, легким движением пальцев, он коснулся узенькой норки, затем, приставив головку члена, попытался проникнуть в узкое отверстие… Попытка оказалась безуспешной. Глаша напряглась и громко вскрикнула. Владимир стоял в несвойственной ему нерешительности…

– Cherie, я же еще ничего не сделал, а вы вскрикиваете… Эдак весь дом разбудите… Мне-то, сие обстоятельство – безразлично, это вы боялись компрометации. Как, вы, однако, чувствительны! Я и вина дал выпить. Ладно, хватит разводить ненужные церемонии – так мы далеко не уйдем. Что поделаешь, экзекуции не избежать. А потому рекомендую вам немного потерпеть. Не люблю тянуть кота за хвост. Возьмите в зубы это полотенце, зажмите его крепко.

Он повторил попытку: огромный член с трудом буравил нежную плоть. По щекам Глафиры потекли слезы, кричать она не могла: мешало полотенце.

Она замычала от острой боли и крепче сжала зубы. Несколько сильных толчков, и преграда была преодолена. Глаша почувствовала: по ногам потекли теплые струи, уши заволокло, в животе стучал железный молот. Мутный взор уставился на простынь: большое красное пятно набухало и ширилось под ее коленями. «Я умираю…» – подумала она и погрузилась в глубокий обморок.

Владимир с успехом довершил начатое, и упал возле кузины. Отдышавшись, он обнаружил: та лежит бледная и без чувств. «Господи, неужто мой Приап ее прикончил? Вот, был бы ужасный казус… Такой казус вошел бы в историю», – подумал он с самодовольством.

– Глафира Сергеевна, очнитесь! Очнитесь, дорогая моя!

Глаша почувствовала, что откуда-то с высоты глубокого колодца, на дне которого лежало ее бездыханное тело, к ней тянуться знакомые сильные руки – они стучат по деревянным щекам. Знакомый голос, идущий, словно из трубы, взывает к жизни. В лицо летят капли воды – становиться мокро: вода льется за шею, волосы липнут к плечам. Вместе с этими чувствами снова приходит… боль. Эта ужасная боль захватывает все естество.

Лицо Глаши скривилось от плача: слезы, как горошины, капают по щекам.

– Ну вот, Mon Cher, ты и очнулась, перепугала меня своим обмороком.

– Владимир, я умру? – спросила она всхлипывая.

– Нет, конечно! С чего ты взяла?

– У меня вся простынь в крови, я от потери крови скончаюсь…

– Не говори глупости! От этого никто не умирал. Уже светает… Как быстро время летит, – в голосе прозвучали деловые нотки.

Он посмотрел на нее. В утреннем свете она выглядела жалкой: волосы мокры и растрепаны, лицо припухло от слез, губы почернели, словно ели чернику. На кровати и полу были капли крови. А под самой Глашей, на смятой простыне расплылось огромное красное пятно, просочившееся в саму перину.

«Однако, каков шельмец! Нанести нежной даме такой урон!» – с гордостью подумал он о своем фаллосе.

Владимир Махнев быстро и деловито оделся.

– Я оставлю вас, сударыня. Сейчас к вам придет моя горничная Маланья. Она девушка опытная и расторопная, к тому же знает, что в таких случаях делать надобно.

– Зачем Маланья? Не надо Маланью… Стыдно как! Она догадается обо всем.

– Не говори глупостей! А для чего я слуг в доме держу? Лежи, Mon Cher, и успокойся.

Проговорив все это, он моментально скрылся за дубовой дверью.

«Он даже не поцеловал меня перед уходом…» – подумала Глаша – «Может, он сейчас вернется?» Но Вольдемар не вернулся: ни тот час, ни через день, ни через неделю.

Вместо него пришла рыжая Маланья, полные руки держали корзину с бельем и холщевый мешочек с травами и мазями. Маланья была добрая и бесхитростная девушка. Увидев сжатую в комочек, плачущую Глашу, она покачала крупной головой, обвязанной полинялым платком.

– Вот, барышня, и вас не пощадил наш мучитель. Хорош он больно собой, да суров не в меру. Вы того… не убивайтесь так. Это – то заживет. Рожать еще больнее, – уговаривала Маланья.

Толстый ситцевый зад притулился на краю кровати, большая шершавая ладонь гладила Глашу по голове. Она искренне жалела барыню, словно перед ней была маленькая девочка.

– Все пройдет… Все заживет… Будете, как новенькая.

От этих слов Глафиру бросило в жар. То, что для нее было тайным и постыдным, в устах этой бесхитростной крестьянки приобретало черты будничности. Было понятно: служанка знала обо всем, что произошло в этой комнате пару часов назад, и не только знала, но и считала это обыденным событием. Ей было не в «диковинку» ухаживать за девушкой, лишенной невинности. Раз она пришла с бельем и с лекарством – значит, Владимир Иванович дал ей все необходимые распоряжения. «Боже, какой стыд!» – подумала Глафира.

Тем временем Маланья, сокрушаясь и покачивая головой, убрала испачканные кровью простыни и половички, заботливые руки застелили постель свежим, чуть прохладным бельем. Спустя четверть часа в комнате появилась дубовая кадка с теплой водой. Маланья велела залезть в кадку: от стыда Глаша зажмурила глаза. Горничная, не обращая внимания на стыдливость девушки, принялась поливать голое тело водой и мыть душистым мылом.

– А, ну-ко, девонька, присядь. Дай, я тебе ранку-то омою, – заботливые руки стали лить воду на промежность Глафиры. Вода побурела от крови.

По щекам текли слезы, она вытирала их руками, брызгала в лицо водой – было бесполезно: глухие рыдания рвались из груди.

– Ну… снова сырость развели. А-то вы, не знали: зачем, он ночью к вам приходил?

«Раз она об этом говорит, значит многие из прислуги могли слышать и видеть, как Владимир Иванович приходил ко мне. У дома есть свои глаза и уши.

Надо, наверное, пойти утопиться – другого выхода нет…» – думала она, кусая губы.

После мытья тело охватил озноб, смертельно клонило ко сну, веки отяжелели, словно налились свинцом. Глаша, с трудом переставляя ноги, дошла до кровати и упала на холодную подушку. Сквозь плотную пелену она едва различала прикосновения рук Маланьи. Сопротивляться не было сил: шершавые руки горничной развели в стороны ватные ноги, послышалось озабоченное бормотание и несколько вздохов, спустя мгновение, ловкие пальцы коснулись болезненной раны. Зачерпнув пригоршню целебной темнобурой мази, пахнувшей травой и коровьим жиром, Маланья принялась втирать снадобье в рваные лоскуты нежной плоти.

Острое жжение заставило вскрикнуть, через несколько минут приятная прохлада пришла на смену неприятным ощущениям. Немного погодя, боль совсем утихла.

Сквозь полузакрытые веки она видела, как в комнате помыли пол, дворовый работник Тимоха вынес кадку с водой. Глаша забылась глубоким сном. Проспала целый день, а к ночи у нее началась горячка.

Глава 4

Глафира Сергеевна, будучи девушкой ранимой и нежной, воспитанной в институтской строгости, где даже поэзия Байрона и Ричардсона считалась крамолой, и прочитывалась лишь ночами, под угасающий свет восковой свечи, шепотом на весь дортуар, тяжело переживала практическую сторону любовных отношений со взрослым мужчиной. Она совсем не ожидала той боли и стыда, кои принесло ей тайное свидание с Владимиром.

Как осознание великой трагедии ее посещала мысль о том, что она согрешила вне брака. «Зачем я отдалась ему? Ведь я знала, что так делать нельзя, что это грешно и погибельно… Отчего я послушала его? Что тогда было со мной? Почему я ослушалась голоса разума? Где был Господь и мои ангелы? Отчего они не уберегли мою девичью честь? Ведь, даже женившись, кузен может попрекнуть меня за уступчивость», – слезы заливали ей лицо. – «А может, все это сон, и я до

сих пор девственница? Ведь я девственница, а как же иначе?

Я институтка и я дева… Мама, где же ты, мамочка? Отчего тебя нет рядом?» – она забывалась в тяжелой горячке.

Целую неделю Глафира Сергеевна провела в постели: жар спал лишь на третьи сутки, но тело все еще оставалось слабо. Во время болезни ей снились кошмары: огромные рыжие собаки бежали по следу, с разверзнутых клыкастых пастей капала слюна, лай слышался у самого затылка, ощущалось зловонное дыхание. Безумно болела голова. Она силилась встать: чьи-то мягкие руки заботливо возвращали ее на подушку. Порой, она слышала молитву: кто-то заунывно бубнил над ухом Псалтырь. Шепот молитвы переходил в бабское оханье и причитание. Глаша забывалась крепким сном, и снова грезилось нечто страшное. Виделась красивая голова Владимира, волнистые волосы, мягкие губы страстно целовали лицо, грудь, живот… Ласки прерывались глухим рычанием, голова Владимира превращалась в волчью морду: белые клыки стремились вонзиться в обнаженное горло.

Какое счастье, что тетка была еще в отъезде, и не видела того, что творилось с племянницей. Дабы избежать лишних вопросов, слугам было объявлено, что Глафира Сергеевна подхватила инфлюэнцею. Не многие поверили в эту «сказку», однако помалкивали – от греха подальше. За больной ухаживала Маланья: она поила ее малиновым чаем, кормила кашей, жалела и нянчилась, как с ребенком. За время болезни Глаши, ее возлюбленный ни разу не пришел к ней в комнату. Это огорчало настолько, что она с трудом поправлялась. Зайди он к ней – успокой, пожалей – все было бы по-другому. «Отчего он забыл меня? Говорил, что любит, а забыл», – от обиды комок подкатывал к горлу.

Сквозь плотно закрытую дверь, слышался приятный баритон: Владимир Иванович деловито давал распоряжения прислуге, прикрикивал на кого-то, громко смеялся. Казалось, он специально дразнит своей близостью, но не считает нужным переступать порог ее комнаты.

– Малаша, а что барин сейчас делает? – робко спрашивала Глафира.

– А? – спохватывалась сонная Маланья, с трудом подавляя зевоту. Сидение с барыней давало ей возможность небольшого отдыха от повседневной, порой тяжелой работы по дому. Как только она добиралась до комнаты Глафиры и

делала все необходимое по уходу за больной, тут же сидя засыпала, сладко сомкнув толстые белесые веки. – Чего вы, спрашиваете? Барин? Они покушали и по делам отъехали. Спите, Глафира Сергеевна, почивайте, раз позволено. А мне они приказали ходить за вами, покудо вы немощны.

– А он говорил что-нибудь обо мне?

– Да нет, ничаво не говорил. Сказал токо: лечи барыню и все.

Глаша сжималась в комочек. В душе начинала теплиться слабая надежда:

«Он заботится обо мне: вот и Маланью ко мне приставил. Значит, я не безразлична ему, значит, он любит».

Лежа под одеялом, укрывшись с головой, Глафира то и дело возвращалась мыслями к памятной ночи. Постепенно пришло осознание того, что она стала совсем другой: в ту ночь она стала женщиной. Вроде ничего не менялась вокруг, но целый мир стал другим. Прикосновение к греховной тайне изменило навсегда ее душу и тело. От воспоминаний о ласках Владимира перехватывало дыхание, руки снова и снова болезненно сжимали голову от стыда и муки. Порой находила сладкая истома: нежность и жажда ласки стояли у самого горла.

«Как он ласкал меня, и как это было невыносимо… хорошо», – от этих мыслей она краснела даже под одеялом. Пальцы робко тянулись к «поруганному» холму Венеры. Но она стыдливо одергивала руку.

От Маланьи Глаша узнала, что барин уехал с приказчиком по делам в город. За окном стоял радостный и зеленеющий июнь. Горячка миновала, и Глафира Сергеевна потихоньку стала вставать с постели. В первый день вся бледная и слабая она вышла во двор усадьбы, прошлась по каменным дорожкам сада и вернулась домой: пока не было сил. Постепенно слабость уходила, ноги крепли, румянец появлялся на нежных щеках. Изменилось выражение лица: оно стало строже и задумчивей. Она старалась уходить подальше от людей и любопытных взглядов: ноги сами несли в глубину зеленых аллей. Глаза любовались пестрыми клумбами ранних цветов. Сворачивала в лес: свежий воздух врывался в лицо, пение лесных птах заставляло забывать горести и печали.

Ветер доносил запахи воды с пруда: пахло горячим песком, водяными травами, рачками и мелкой рыбешкой. Часами Глаша сидела у воды, наблюдая за деревенскими мальчишками: те важно удили рыбу, стоя на полусгнившей коряге. Их босые ноги, вымазанные серым илом, застывали в неподвижной позе, зоркие глаза, не мигая, смотрели на поплавок. Поплавок начинал дергаться, раздавался победный клич – серебристая рыбка взлетала в воздух.

Она с нетерпением ждала возвращения Владимира Ивановича. Вначале смутно догадываясь, позднее более четко и осмысленно она поняла, что полюбила его глубоко и страстно. Каждая травка в лесу, каждый куст, каждый живой звук напоминал его имя. Ей казалось: все кругом говорят именно о нем. Вслушиваясь в разговоры дворни, она ловила случайные фразы и слова, сказанные о барине. Когда кто-нибудь из работников отзывался о нем с почтением или хвалил деловую хватку Махнева, Глаша радовалась, как институтка на уроке, хорошим словам о предмете своего обожания.

То мерещилась вдалеке его высокая стройная фигура, дрожащая от летнего зноя горячей земли. Сердце начинало громко бухать, руки потели: фигура, скинув оковы миража, превращалась в идущего с пашни долговязого работника в светлой рубахе. Казалось: ветер доносит его родной голос, скрип уключины напоминал звон колокольчика с упряжки барской кареты. Звуки, запахи, силуэты все смешалось в больном и горячем воображении.

И вот, в один прекрасный день, цокая копытами, к усадьбе подкатил экипаж Владимира Ивановича. Барин с приказчиком вернулись из города в самом хорошем расположении духа. Тому причиной была удачная покупка березового леса у разорившегося помещика из соседнего уезда. Мужчины вышли из кареты, посмеиваясь и радостно потирая руки. Барин приказал накрывать на стол. Повар не ждал его к обеду. Не смотря на это, на столе тотчас появилась хорошая закуска: поблескивал жирком розовый душистый окорок; соленые грузди тонули в тягучем рассоле, сдобренном укропным семенем; пласты холодного румяного пирога с мясом разлеглись на большом фарфоровом блюде; паюсная белужья икра мрела темным бисером в широком хрустальном бокале; стопка опарных, масленых блинов прилагалась к икре. Стеклянный лафитник, полный киршвассером[16 - Киршвассер – вишневая наливка. От немецкого Kirschwasser.], матово поблескивал запотевшим боком.

Владимир и его приказчик Игнат хорошо, с аппетитом закусили и выпили пару стопок холодной наливки. После Игнат пошел к себе, а барин, отдохнув с часок,

занялся домашними делами. Он терпеливо выслушал просьбы двух горластых и канительных мужиков, допущенных к барской милости, удовлетворил их, насколько мог, проверил домовую книгу, сверил записи, отругал старосту. В конце концов, остался вполне собой доволен: отруганный староста, напустив на себя рабскую покорность, услужливо покрякивал рядом.

Затем Владимир потянулся и вскочил на ноги. В голову пришла мысль: «Поправилась ли от горячки Глафира Сергеевна? Надо бы заглянуть к наивной бедняжке, проведать, наконец». Спустя минуту, он стучался в ее комнату: ему никто не ответил. Маланья, прибежавшая на стук, сообщила, что барышня, слава богу – поправилась, и уже кушает хорошо, и гулять ходит.

– Ну, и где сейчас твоя барышня? – с иронией спросил он, приподняв одну бровь, – что, как поправилась, так и след ее простыл?

– Да нет… Туточки вроде все околачивалась: то в саду, то у пруда. А сегодня перед тем, как вы приехали-с, ушла, и нет до сих пор. Может, в садике где-нибудь ходит, или в ельник ноженьки понесли. Велите разыскать?

– Не надо… Я сам прогуляюсь.

Пройдя несколько аллей, заросших старыми дубами и акациями, Владимир свернул к небольшой рощице, находящейся справа от господского сада. Ноги сами несли его в эту сторону, глаза искали Глафиру. Мелькали зеленые листья, встревоженные птицы разлетались по сторонам.

Через минуту он остановился. Стараясь не трещать сучьями, затаил дыхание: на светлой полянке, спиной к нему, притулившись к березке, сиротливо стояла скучающая Глашенька. Голубое, в белый цветочек летнее платье, отделанное тонким кружевом, и делавшее линии фигуры мягкими и женственными, выглядело так мило, что Владимир внутренне ахнул… Две косы были кокетливо уложены небольшим калачиком на маленькой голове.

На тонкой шее, в неглубокой впадинке трогательно завивался, выпавший из косы, локон русых волос. Легкий летний ветерок овевал стройную фигурку девушки. Несколько минут наш эстет Владимир любовался этой прекрасной картиной. Затем, стараясь ступать неслышно, он подкрался к девушке, руки обняли тонкий стан. От неожиданности Глаша вскрикнула, кровь ударила в

голову, показалось на минуту: земля уходит из-под ног. Она крепко зажмурила глаза, а когда открыла их – увидела любимого. От радости у нее пропал дар речи. Глаша стояла, глядя на него, и не знала, что сказать.

– Вот, я вас и нашел. Comment ?a va[17 - Как дела? (франц.)], сударыня?

– ?a va bien, merci[18 - Спасибо, хорошо! (франц.)], сударь!

– Не уходите так далеко от дому: не ровен час – волки серые по лесу побегут и унесут красоту нашу в далекие края, – его лицо расплылось в улыбке, – я тут смотрел на вас и сокрушался: отчего я не художник? С вас картины писать надобно, до того вы хороши!

– Полно вам, смущать меня Владимир. От ваших комплиментов голова кругом идет. И так корю себя за то, что поддавшись на лесть и ласки, пала столь низко, что согрешила раньше срока, – в глазах появился упрек. Она задумчиво молчала пару минут. – Вы знали, что больна я, отчего не навестили?

– Глашенька, ну какой из меня лекарь? Я Маланью к вам затем и приставил: она опыт в таких делах имеет.

– А опыт сей не от ваших развлечений она получила?

– Не цепляйся к словам, тебе не идет бабская глупая ревность. Мои слуги верны и многому обучены. И закончим эти разговоры, – в голосе появились строгие нотки. – Иди, я лучше обниму тебя, Mon Cher. Я скучал по тебе.

Все Глафирины упреки потонули в страстном поцелуе. «Опять этот сладкий омут – мне из него не выбраться никогда», – думала она, падая в глубокую пропасть. Знакомые руки с силой сжимали бедра, тискали тугую грудь, горячие поцелуи покрывали шею.

Стоя у березы, Владимир, оглянувшись вокруг, решил продолжить объятия прямо на траве. Он сел сам и потянув за руку, усадил ее рядом. Глаша не заметила, как опять оказалась, лежащей подле него: сильная рука задрала подол платья, путаясь в подвязках и булавках, приспустила батистовые панталоны, и нырнула к теплому лону. Секунда, и длинные пальцы с

наслаждением проникли во влажное лоно.

– Как там поживает наша раненная красота? Затянулись ли ранки, кои мой жеребец нахальный ей нанес?

Глашу, словно огнем опалило: стало стыдно и мучительно горячо от его слов.

– Не надо, не мучьте меня.

– Ты говоришь: не надо – а сама хочешь меня немилосердно; говоришь не надо – сама течешь и пахнешь, как матерая самочка; говоришь не надо – а ноги в стороны разводишь.

– Я погибаю от ваших ласк. Мне страшно: опять могу я чувств лишиться.

Но он не слушал ее. Расстегнул брюки: вздыбленный член, вывалившийся наружу, готов был рваться в бой. Добравшись пальцами до норки, почувствовал: она стала немного шире… Стиснув зубы от сильного желания, он лег на Глашу.

Вдруг, за деревьями послышались чьи-то голоса: это были ключник и староста. Громко разговаривая о хозяйственных делах, они шли широкими шагами, загребая стоптанными огромными сапожищами по лесной дорожке в сторону, где притаились любовники. И хоть кусты орешника и прикрывали Владимира и Глашу от их случайных взглядов, но вспыхнувшая страсть от страха быть застигнутыми, пошла на убыль. Работники прошли мимо, не увидев, таящихся за кустами господ.

Владимир с трудом поместил на место вздыбленный член, Глаша еле стояла на ногах, оправляя корсет и смятый подол голубого платья. Сломанное возбуждение было таким сильным, что в глазах обоих появилась досада и разочарование. Глянув в лицо Глафире, он громко расхохотался.

– Иди в свою комнату, я скоро приду: и не будет вам, mademoiselle, пощады!

Растрепанная Глаша, с горящими глазами, не возражая ни слова, поспешила к дому в барскую усадьбу. Стараясь быть незамеченной, Глафира Сергеевна проскользнула почти неслышно в свою комнату, дрожащие пальцы с трудом

задвинули щеколду. Несколько минут она сидела на кровати, слабо соображая о том, что нужно делать. Сердце гулко бухало в груди, а руки были холодны, словно лед. За окном на землю спускался ранний летний вечер. Сухой зной сменила легкая, свежая прохлада. Цветочные и травяные ароматы размылись запахом молока и коровьих лепешек.

Спохватившись о том, что скоро к ней придет любимый, Глаша решила привести себя немного в порядок. Она наскоро поправила прическу и платье и, наконец, догадавшись о самом главном, сняла батистовые панталоны, присела над тазиком и омылась водой. Она, как взрослая женщина, тщательно готовила себя к предстоящему свиданию. Панталоны оставила на стуле, решив, что теперь не стоит их надевать назад. Промежность предательски увлажнялась от мыслей о ласках Владимира. Скоро раздался легкий стук. Глаша отворила дверь и быстро впустила его в комнату.

Тот прошел, и по-хозяйски сев на кровать, стал стягивать сапоги и расстегивать пуговицы на рубашке и брюках.

– А почему это вы, сударыня, до сих пор не раздеты донага? – улыбаясь, спросил он. – A vous, mademoiselle![19 - Ваша очередь, сударыня! (франц.)] А ну ка, быстро раздевайся, не буду же я опять слишком долго возиться с твоими юбками и подвязками.

– Владимир, я полагаю, нам надо поговорить.

– Ну, вот… опять ненужные разговоры. Эдак, вы во мне все желание убьете, – недовольно поморщился он. – О чем вы, говорить изволите? Быстрее излагайте: мой жеребец слишком в стойле застоялся. Не мучьте его, любительница демагогий.

Глаша смутилась, но все, же решила продолжить разговор.

– Владимир Иванович, я девушка бедная, к тому же сирота. Меня каждый может безнаказанно обидеть.

– Глаша, ты живешь, не у чужих людей. Кто тебя здесь обидел?

– Мне нет оснований жаловаться, я за все благодарна вам и вашей матушке…

– Ну вот, опять завелась…

– Не перебивайте меня, я и сама собьюсь, – в голосе послышались плаксивые ноты.

– Пойду я, пожалуй – терпеть не могу женских слез, – он даже привстал в решительном порыве покинуть комнату.

– Нет, нет, останьтесь… Прошу вас! Вы знаете, что я люблю вас всей душою. Только за минуты встречи вы ни разу не обмолвились о своем обещании.

– Каком обещании? – он удивленно поднял брови.

– В ту ночь вы обещали, что женитесь на мне.

– Ах, это… Ну что же: раз обещал жениться, то непременно и женюсь, пожалуй.

– Правда? – фиалковые глаза засветились неземной радостью.

– Ну, конечно, правда… Когда я говорил неправду? Хватит болтать, раздевайся скорее.

Красная от стыда, но скорее от внезапного счастья, она принялась поспешно скидывать с себя одежду, он помогал ей, с наслаждением взирая на оголившиеся части тела. Сняв поспешно платье и одну за другой нижние юбки, Глаша осталась в одном тугом корсете, который поддерживал и без того, упругую, высокую грудь. От вида стройных длинных ножек, округлых белых бедер и вызывающе торчащих русых волос на лобке, у Владимира снова проснулся «старый друг»: темные кривые вены, словно корни диковинного древа шли вдоль мощного ствола от основания к красной пульсирующей головке. Повернув девушку спиной, Владимир тесно прижался им к роскошной попе и потерся, как кот об дерево. После, ловкие руки расшнуровали тугой корсет и скинули его на стул. Глаша стояла обнаженная и прекрасная, словно Венера. Он принялся целовать стройное тело, руки потянули ее к кровати.

Все настойчивей и определенней в Глаше зазвучал голос страсти, она настолько поддалась к нему в объятия, что он, тут же, повалив ее на спину, овладел ею. Его ритмичные движения снова вызвали боль – опять потекла кровь. Но теперь ей было не страшно: в обморок она не погружалась. Наоборот, к боли начало присоединяться чувство удовольствия. Она сама не заметила, как стала двигаться к нему: бедра сами затанцевали в бешеном ритме страстного танца.

– Как быстро ты, осваиваешь науку. Так, так сильнее подмахни, радость моя. L' amour fait danser[20 - Любовь заставляет танцевать (франц.)]… О боже, как ты восхитительна.

Спустя мгновение, он кончил, отвалившись в сторону, усталые глаза закрылись темными длинными ресницами. Лежа на спине, кузен мгновенно уснул, придавив Глашу тяжелой рукой. Она, боясь потревожить его сон, лежала тихо, словно мышка: маленький нос уткнулся в широкое плечо. Рядом с нею слышалось мерное посапывание и глубокое дыхание спящего молодого мужчины. За окном надвигались тихие сумерки, где-то под крышей по-домашнему уютно стрекотал сверчок.

Ей не спалось: она пыталась осмыслить новые ощущения и чувства. Мысли ее, легкие как ласточки, снова полетели в заоблачные дали. Она начала грезить о том, какая у них с Владимиром будет свадьба; о том, как счастливо они заживут вдвоем; о том, как у них родятся дети: два мальчика и две девочки… Она даже начала представлять ангельски прекрасные лица своих детей.

Далекая, чуть заунывная песня деревенских баб на посиделках прервала мечты Глафиры:

Ах, запевай, подружка, песню,

Запевай котору, хошь,

А про любовь только не надо, —

Мое сердце не тревожь.

А про любовь только не надо, —

Мое сердце не тревожь.

Ах, два знакомые крылечка

В памяти осталися:

А на одном крыльце влюблялись,

На другом расстались.

А на одном крыльце влюблялись,

На другом расстались.

Ах, дорогой, такая сила

Одолела вдруг меня:

А сколько было – всех забыла,

Не могу забыть тебя!

А сколько было – всех забыла,

Не могу забыть тебя!

Владимир вздрогнул, глаза открылись, мутный сонный взгляд скользнул по Глашиному лицу.

– А, это ты? – странно проговорил он.

Он резко выпрямился: широкие плечи забелели в темноте.

– Я пошел, – хмуро обронил он, – ты спи…

Глаша не успела и рта открыть, как он, скоро натянув брюки, исчез в проеме дубовой двери, на подушке остался его темный, короткий волос и легкий аромат «Кёльнской воды»[21 - «Кёльнская вода» – обобщенное название одеколона от французского «Eau De Cologne», созданного итальянским парфюмером Йоганном Марией Фарина.].

Глава 5

Владимир Махнев стал частенько захаживать к своей кузине. В основном, это были ночные визиты. О женитьбе он даже и не зарекался, словно навсегда забыл о своем поспешном обещании. Справедливости ради, надобно сказать, что обещание сие было слишком уж неубедительным. Оно могло вселить уверенность только неопытной Глафире, которая считала Вольдемара человеком честным и благородным. Любой, более искушенной светской особе была бы ясна суть таких невнятных обещаний, но только не ей. Она свято верила в совместное будущее с любимым кузеном.

Их встречи были столь же страстными: он потихоньку вел ее тропой познания все новых плотских наслаждений. Его ночные ласки были столь искусны и смелы, что Глафира, вспоминая днем о том, что он с ней вытворял накануне, впадала в оцепенение и давала себе обещания: что более не будет делать все эти постыдные вещи. Но наступала ночь, он приходил к ней тихо, словно лис, и… заново вертелась карусель. Она подчинялась его яркой страсти, шла на уступки смелой, безумной фантазии.

Летняя жара изнуряла горячим дыханием, пахло цветами, сухой землей, луговыми травами. С утра, пока было прохладно, Глафира гуляла по лесу, думая, бог знает, о чем. Большей частью – то были думы о Владимире. Она мысленно вела с ним диалоги, смеялась невпопад и хмурилась. Хорошо, что в эти минуты никто не видел ее лица: оно меняло выражение каждый миг, кроткая восторженность переходила в глупую улыбку. Она была не оригинальна: с точки зрения здравомыслящего обывателя почти все влюбленные, порой, выглядят глупо и совершают поступки, лишенные всякого смысла. Какой тут здравый смысл, если Глаша жила и дышала одним Владимиром? Она была больна им, больна насквозь, словно страшнейшей холерой или оспой.

Он же, в свою очередь, был полностью здоров и здравомыслящ. Глашу видел насквозь: душевная кротость, стыдливость, образованность, институтское прошлое с набором ложных и далеких от жизни представлений о благородстве аристократов, порядочность и чистота помыслов – все было при ней. А от того было забавнее искушать именно такую нежнейшую скромницу. Она была для него лишь очередным вкусным блюдом на роскошном столе удовольствий: что-то вроде свеженькой, нашпигованной пряностями и травами, куропатки. И не более…

Его стала тяготить вся любовная восторженность, надоели приливы нежности и разговоры о совместном будущем. Он решил: что, либо порвет с ней всяческие отношения, либо приучит ее к любимому занятию: групповым оргиям. И то, и другое – было сделать нелегко: разрыв с ней был чреват определенными сложностями. Махнев не любил разоблачений, скандалов и упреков в непорядочности. О связи могла узнать Maman. Последнее обстоятельство пугало его не сильно: обожающая мать шла на многие уступки сыну и закрывала глаза на его вольные шалости. И все же… Слишком уж, кузина была серьезна и возвышена, чтобы обойтись с ней подобным, подлым образом. Она не была похожа на очередную Дуняшу или Парашу, коих он обманывал и обесчещивал без счету. Те молчали, уливаясь горькими слезами, молча и без жалоб, ликвидировали последствия барской любви, если эти последствия становились очевидными. Кто-то и рожал нагулянных от барина, детей. Но, на то – они и рабыни его, чтоб воле барской без ропота покоряться. Глаша же, по форме не рабыня, могла стать по сути таковой. Да и желание было огромное: посмотреть на выражение лица сей скромницы, когда он откроет пред ней другие двери в темном коридоре зловещего замка плотских утех – двери, которые неминуемо приведут жертву на край Преисподней. В общем, он решил действовать, а там – «как карта ляжет».

Решил начать с малого. Пришел в ее комнату, когда стемнело.

– Глаша, на дворе духота, в доме тоже. Подходи через полчаса к купальне. Я там буду тебя ждать.

– Merci beaucoup,[22 - Большое спасибо! (франц.)] Вольдемар! Bien s?r,[23 - Конечно. (франц.)] духота неимоверная. Я приду туда, любимый.

Владимир рассказал Игнату о том, что барыня пойдет с ним ближе к полуночи на купальню.

– Игнатушка, друг мой, я эти дни совсем забыл о тебе, родимый. Заскучал ты, небось, без меня? Да и мне порядком надоело играть в любовь с восторженной глупышкой.

– Да, вроде, не глупа она: все книжечки читает.

– Кому от книжек этих польза? – усмехнулся барин. – Я говорю: глупа, как гусыня. Устал я от нее: все вздохи, да поцелуи. Даром, что дворянка: а из того же теста, что и другие слеплена. А красота? Всего лишь beaute du diable[24 - Beaute du diable – красота дьявола. Так французы называют красоту, свойственную лишь молодости и свежести. (Примеч. автора)]. Игнат, еще Сократ сказал: «Красота – это королева, которая правит очень недолго».

Приказчик в ответ только хмыкнул, в очередной раз, дивясь безграничной мудрости своего кумира.

– Ну, ее! Как там, Марусенька поживает? А Лушка, как? Поди, уж мочи нет обеим?

– Это точно! Мочи нету… Этим лярвам только подавай.

– Скажи, что скоро встретимся. Пусть, подождут чуток. Игнатушка, я сегодня Глашку на купальню-то приведу… Встану так, чтобы луна нас осветила – небо ясное, и все вокруг видать. А ты схоронись в кустах ракитника: воззришься на нее нагую. Это я тебе предлагаю сделать в качестве аперитива – аппетит твой подхлестнуть. Посмотришь на перси и бедра нашей куропатки, чтоб в будущем вкусить ее с желаньем. Идет?

– А-то бы, и не шло?! Я с радостью взгляну на дичь такую, – Игнат рассмеялся от удовольствия.

Глаша бежала по тропинке к барской купальне. Высоко в небе стояла полная луна, освещая все вокруг холодным ярким светом. Каждый куст виднелся в темноте: казалось, сияние Селены посеребрило ветвистые кроны, тонкие узорчатые тени лежали на земле, создавая сказочную картину. Девушка жадными глотками вдыхала ночной воздух, напоенный ароматами жимолости и отцветающего жасмина. Соловьи рассыпали немыслимые трели так, словно уводили нечаянного путника в страну беспробудных грез. Боже, как было хорошо! Как, она была счастлива: и от этой прекрасной чарующей ночи и от предстоящей встречи с любимым!

Он ждал ее возле беседки. В темноте белела знакомая рубашка. Лица не было видно. Подбежав к нему, она ткнулась в широкую грудь, губы искали его губы.

– Mon Cher, надеюсь, ты, не в платье?

– Нет, я в сорочке буду купаться, и халатик накинула.

– Divine[25 - Божественная (франц.)]… Только никаких сорочек! Скидывай, все донага.

– Я боюсь: вдруг, кто увидит?

– Скажи на милость: кому надо моционы совершать в столь поздний час? Это у нас с тобой амуры, другие – спят давно без снов, уставши от работы.

Снимай все, S’il vous pla?t.[26 - Пожалуйста (франц.)]

– Je vous en prie,[27 - Пожалуйста, в ответ (франц.)] любимый, если ты, желаешь.

– Конечно, желаю. Ты знаешь: мне милее нагота, чем ворох юбок, да корсеты.

Ловкие руки помогли скинуть тонкую сорочку. Длинное стройное тело забелело в темноте плавными линиями. В лунном свете Глафира была подобна сказочной наяде, вышедшей на берег.

– Как хороша, чертовка! – прошептал Игнат. Он давно уже примостился в кустах и ждал, когда Глаша снимет одежду.

Она подошла к воде: тихая ровная гладь пруда серебрилась лунными бликами; вдалеке слышалось многоголосое кваканье лягушек; редкие всплески мелкой рыбешки создавали рябь на воде; отсвечивая золотом и сияя от лунного света, легкие круги шли к берегу, рассыпаясь множеством ярких, словно россыпи бриллиантов, искорок. Глаша вошла в воду по щиколотку и тут же выскочила обратно: холодная вода лизнула горячие подошвы ног, плеснула брызгами на стройные икры.

– Лезь в воду, трусиха! – крикнул ей Владимир.

– Холодно! Я боюсь, – она оглянулась. Он стоял рядом, тоже обнаженный. В темноте отчетливо виднелось его мужское достоинство, покачивающееся при

каждом движении.

Не дав опомниться, он с шумом кинулся в пруд, его сильная рука увлекла ее за собой. От холода и неожиданности, у Глаши перехватило дыхание. Гулкое эхо разнесло в ночи шум от плеска воды, смеха и громких голосов.

– Ну, прямо как дети, честное слово… – прошептал Игнат. – Долго я тут еще лежать буду? Когда же, главный «спектакль» начнется?

А «спектакль» не дал себя ждать… Немного поплескавшись, любовники вышли на берег и побежали к стоящей рядом, беседке. Выйдя из воды, Глаша тут же покрылась «гусиной кожей», груди стояли торчком, нежные соски отвердели, словно ранетки дикой яблоньки. Владимир обтирал ее полотенцем и страстно целовал, говоря ласковые слова. Ворсовое покрывало легло на деревянный пол беседки, возле входа. Он лег на него, и велел ей тут же сесть сверху в позе «наездницы» на стоящий без меры, холодный от воды, член. На секунду ей показалось: все, что он делал, было более порывисто и открыто, словно он играл спектакль перед невидимым зрителем.

В кустах лежал Игнат и жадно всматривался в любовный танец двух обнаженных тел, ему было видно почти все: и стоящий высоко фаллос и то, как Глафира садилась на него, раздвигая полные ноги и приподнимая кверху роскошный, широкий зад. Он слышал ее страстные стоны и сам возбудился: стоило огромных усилий сдержать себя и не броситься к любовникам, чтобы составить им компанию. Очень хотелось войти своей горячей стальной плотью в плотное кольцо темнеющей свободной норки. Но, сей порыв был бы крайне неуместным, учитывая неподготовленность Глафиры к подобным экзерсисам.

Владимир крутил Глашу из стороны в сторону, ставя на колени и заставляя ласкать его губами: нарочно убирал волосы от ее лица, обнажая непристойную картину. Он знал: за ними наблюдают, и это обстоятельство возбуждало его еще больше.

Когда все кончилось, он быстро проводил ее до дому и вернулся назад к купальне. На широкой скамейке сидел Игнат и курил сигару.

– А ночь действительно, чертовски хороша! – проговорил радостно Владимир, – Игнат, ты не замаялся лежать в кустах?

– Да нет, ничего…

– Ну, как она тебе?

– Уж, очень аппетитна… Такой афедрон – я еле выдержал, чтобы не подойти к вам.

– Ха, я так и думал! Подожди, немного: несколько дней, и ты тоже будешь ею обладать, мы вместе это будем делать.

– Захочет ли она? Я сомневаюсь что-то…

– Игнат, да ты ли это говоришь? На что нам водка и опиум? Ты думаешь, она устоит? Нет друг, падет и эта. У ней темпераменту поболее других. Сама под нас попросится. Куда же ей деваться? Видал, как прыгала на мне?

– Да уж, видел. Запоминающееся зрелище – нечего сказать. Быстро вы ее объездили…

– Веришь, я и сам удивлен. Она спускает так, как оные в летах не могут, у коих опыт есть в делах амурных и дюжина отменных кобелей, всегда готовых сучку ублажить.

Игнат хмыкнул в ответ и покачал задумчиво головой.

Прошло три дня. Владимир избегал Глафиры: он делал это намеренно, чтобы поселить в ее душе тревогу. Она искала повод встретиться с ним. Глаза наткнулись на его фигуру в коридоре, в его руке был конверт.

– Владимир, вы, избегаете меня? Я в чем-то виновата? – спросила она, в голосе послышалось плохо-скрываемое волнение, руки нервно теребили оборки платья на высокой груди.

– Ну, с чего ты взяла? У меня просто много дел. Не должен же я одной тобою заниматься? – ответил он холодно.

У нее навернулись слезы. Он взял ее за руку и повел в комнату. Плотно прикрыл дверь и хмуро произнес:

– Mademoiselle, вы делаете мне компрометацию слезами.

– Боже, раньше вас это не пугало, – ответила она, всхлипывая.

– Вы знаете: я не терплю женских слез. Вы рискуете – я охладею к вам. Займитесь, право, делом каким-нибудь полезным. Оно вас отвлечет от глупых мыслей.

Она покраснела в ответ и гордо отвела взгляд.

– Вот, матушка письмо прислали. Извещает, что здорова, и еще немного погостит у мадам Расторгуевой. Да вы и не слушаете меня?

– Я слышу вас, Владимир. Мне кажется, что вы переменились ко мне…

– Хорошо, вы вынуждаете: я буду с вами откровенен. Мою натуру, сударыня, познать вам не дано, я и сам себя порой, не знаю. Одно могу сказать: я слишком далек от амурных вздохов при луне. Вы, в силу молодости своей, реальную оценку событиям дать, не способны. Как, это не печально: не влюблен я в вас, и не в одну другую тоже… Не скрою: вы мне приятны, и ваши прелести во мне зверский аппетит невольно вызывают. Чего только, ваша попка сладкая стоит… Когда голодный я – могу и закусить изрядно!

Глафира стояла, словно молнией пораженная.

– Я вам не курица на тарелке… Господи, как обманулась я, – горько проговорила она.

– Советую подумать хорошенько обо всем и не усложнять ситуацию ложными сентенциями. Зря вы, обиделись. Я к вам прекрасно отношусь, и обижать вас не намерен. Мы можем также встречаться, когда у меня желание возникнет… Словом, вам решать. Не захотите более, и к вам я не приближусь.

Он ушел, хлопнув дверью. На следующий день рессорная карета, запряженная тройкой лошадей, увезла его по неотложным делам.

Глаша чувствовала себя такой несчастной, что ей казалось: она умрет, не выдержав душевной муки. «Что делать мне теперь?» – думала она, словно в лихорадке. В голове был настоящий хаос от новых впечатлений, от грубости любимого, от очевидности того, что он ее не любит. «А может, он специально так сказал, чтобы позлить?» – хваталась она за внезапную мысль, словно утопающий за соломинку, – «не мог же он притворствовать, когда целовал и обнимал меня крепко? Нет, этого не может быть».

Глаша нервно ходила по комнате, заламывая руки. Время от времени она падала на пол перед иконой и начинала истово молиться.

Она казалась себе ужасной грешницей, падшей так низко, что, казалось – падать некуда. «Как же я искуплю, теперь перед Господом, столь страшный грех?» – плача, думала она, – «я же – несчастная сирота, и мне совершенно некуда идти от своего погубителя. Наивная… Как смела я хоть малую надежду питать о свадьбе с этим человеком? Как глупо и жалко я выглядела. Он, верно, смеялся надо мной».

«Уйду на вечное моление в женский монастырь. Только там теперь мне место», – мысли унесли ее в темноту монашеской кельи, на миг показалось, что пахнуло сыростью и тленом. – «Неужто, я весь век промаюсь монашкой, покуда не превращусь в старуху? Как муку вынесу – его не видеть никогда? Того, кому жертва сия покажется лишь смешной».

«А может, лучше прыгнуть в пруд и утопиться, оставив мучителю записку? Может тогда он всплакнет над моим хладным телом, когда багор подтащит его к берегу?» – слезы потоком лились из ее прекрасных глаз.

Подушка промокла, на ней Глафира и уснула. Когда проснулась, плакать не хотелось. Она привстала, распахнула окно: в комнату ворвались живительные ароматы летнего вечера; запахло свежескошенной травой с примесью земляники, клевера, ромашки, васильков и горькой полыни. Этой сочной травой приказчик Игнат кормил своего распряженного красавца жеребца: смуглые руки любовно поглаживали черную, словно воронье крыло, блестящую холку, пальцы путались в шелковой длинной гриве. Теплые мягкие губы жеребца подбирали

траву с рук хозяина, тонкие и мускулистые ноги нервно пританцовывали. Игнат смотрел на коня, как на любимого шаловливого ребенка, и шептал ему на ухо что-то: никому неведомое. Глаша невольно залюбовалась высоким черноглазым Игнатом, который с такой нежностью, охаживал своего любимца. «Странно…» – подумала Глаша, – «каким добрым кажется этот казак, а дворовые бабы рассказывали о нем всякие страсти…»

Мысли путались в молодой голове. Самым мучительным было то, что не смотря ни на что, ее безудержно тянуло к Владимиру Ивановичу. Тело сводила сладкая истома при малейшей мысли о нем, о сильных руках, о звуках низкого голоса – такого волнующего и мужественного. Она вспоминала его запах – запах молодого мужского пота, смешанного с легкой примесью дорогого английского табака и тонкого аромата французского одеколона. Нравилось, как пахнут его высокие кожаные сапоги и тончайшие белые сорочки. Ее безумно возбуждали воспоминания о том, как красиво выглядит его плоский, упругий и волосатый живот, ниже которого шло совершенное творение природы – его величавый и прекрасный фаллос.

«Этот афей[28 - Афей – безбожник. От латинского ateos – безбожник.] намекнул, что я могу быть его постоянной наложницей. Смешна и печальна моя участь. Стать фактически его рабой, конкубиной[29 - Конкубина – наложница, сожительница, любовница, содержанка от латинского concubina, что в переводе означает: наложница, любовница.]… Пусть так… Я испью эту чашу до дна. Потом погибну… Но, мне – все равно. Разлучиться с ним тотчас: я не в силах. А там – как богу угодно», – с этими мыслями она и уснула – уже до утра.

Владимир вернулся через два дня. Увидев ее спокойное кроткое лицо, он подошел к ней вплотную.

– Mademoiselle, как вы себя чувствуете?

– Не так уж плохо, как могла бы. Владимир, не стоит притворствовать, что вас волнуют мои чувства. Своя печаль у каждого в душе. Я постараюсь вас более не тяготить душевными переживаниями.

– Что слышу я? Неужто, вы становитесь взрослее? В вас голос разума настойчиво звучит.

– Возможно… Я пойду, пожалуй.

– Ну, нет, птичка моя, твой хозяин сильно скучал по тебе. Иди, мой воробышек, я перышки мягонькие твои поглажу, – смуглая рука крепко схватила ее за талию. Притянув к себе, он впился в губы поцелуем. – Я, правда, сильно скучал. Приходи сегодня вечером к банному срубу, ты видела его не раз: он стоит недалеко от купальни. Я буду ждать тебя там ровно в семь.

Она, молча, освободила руки и ушла, не сказав ни слова.

«Придет – я чувствую… Или провалиться мне на этом месте», – подумал он, глядя ей вслед.

Чего только стоило Глафире внешнее спокойствие… Она молчала перед ним, а сердце рвалось наружу: «Позвал, сказал, что соскучился. Чего же надо мне еще? Я таю вся от предвкушения близости с ним» Спустя минуту, думала иначе: «Вот, прекрасный повод щелкнуть его по носу. Он будет ждать, а я и не приду. Именно так – возьму и не приду. Ах, это – глупо, он утешится другою. Что я добьюсь? Буду лежать на постели и думать о его объятиях?

Нет, это невыносимо».

Она снова задремала от жары. Проснулась, когда вечерело. Вскочив испуганно с кровати, поняла, что может опоздать к назначенному времени. Глаша осторожно проскользнула в столовую и посмотрела на висящие на стене Шварцвальдские часы с кукушкой. Они показывали половину седьмого.

Наскоро приведя себя в порядок, поспешила к господской бане. Баня стояла вдалеке от основных домов, рядом с уединенной частью пруда. Несколько старых плакучих ив, стелящихся длинными ветвями по воде, огибали то место, где был выход из бани. Это был большой двухэтажный сруб из теплой душистой лиственницы. Когда Глаша подошла к бане, из трубы на крыше уже вовсю шел дымок. Из полуоткрытых сенцев веяло каким-то домашним теплом. Она, стараясь ступать неслышно, словно мышка, подошла и робко постучалась в тяжелую дверь. Каково же было удивление, когда дверь бани распахнулась, а на пороге стоял приказчик Владимира – Игнат Петров и вызывающе ухмылялся в густые черные усищи. Глафира Сергеевна вспыхнула от негодования, и хотела

тут же гордо удалиться.

– Куда, куда, барышня, это вы решили «деру дать»? – посмеиваясь, спросил ее Игнат. – Вас уже, чай, барин-то ваш заждался. А ну, стоять!

Он ловко поймал девушку за руку: сильные, почти стальные пальцы вцепились в тонкое запястье. Миновав просторные сени, Игнат, легонько подталкивая в спину, завел Глашу в просторную и теплую банную горницу.

В горнице было светло от множества горящих свечей. Посередине располагался огромный дубовый стол, покрытый светлой расшитой скатертью. На столе стоял медный, начищенный до блеска, горячий самовар. Затейливый, тончайший китайский сервиз с перламутровыми цветами манил к себе душистым, крепко-заваренным чаем. Тарелки с разнообразными яствами могли притянуть искушенный взгляд сельского гурмана. Маковые баранки, свежие ореховые кренделя, румяные пироги с визигой, зажаристые пряженцы с мясом, прозрачный липовый мед, прошлогодняя моченая брусника, первая клубника и свежие сливки – все это было щедро разложено на столе. Чуть поодаль стоял графинчик с хмельной смородиновой листовкой[30 - Листовка – водка, настоянная на черносмородиновом листе.] и темная бутылка Люнели[31 - Люнель – французское сладкое вино. Произошло от названия города Люнель во Франции, где производилось это вино].

Горница была уставлена тяжелой дубовой мебелью: красные бархатные подушки лежали на высоких резных стульях, широкие гладкие скамьи стояли вдоль бревенчатых стен. Всюду красовались белые домотканые, расшитые красными диковинными птицами, рушники и полотенца. На стенах висело несколько самописных картин с незатейливым пасторальным сюжетом. По всей горнице парил особый дурманящий банный дух, состоящий из смеси ароматов сосны, березы и можжевельника. В белой каменной печи потрескивал огонь. Вся эта милая и домашняя атмосфера так пришлась по сердцу Глафире, что она немного успокоилась.

Во главе стола восседал наш Владимир, улыбаясь белыми чистыми зубами. Торс мужчины был обнажен, на нем были надеты лишь легкие парусиновые брюки и домашние туфли. Широкие, слегка загорелые плечи поигрывали мускулами в ярком свете свечей. Мокрые волосы зачесаны назад. Чисто выбритое лицо

немного розовело после парной. Держа породистой длинной ладонью английскую регалию[32 - Регалия – сорт дорогих сигар. От латинского regalis, что в переводе означает – царский.], он курил, прищуриваясь; черный пепел подтаивал и легко падал в серебряную пепельницу, инкрустированную восточными письменами и кружевной арабской вязью. Серые глаза с холодной усмешкой посматривали на растерянную Глашу. Она, не давая себе отчета, во все глаза таращилась на любовника, вбирая в себя, каждый его жест. В душе Владимир понимал: эта девушка интересна ему лишь до тех пор, пока на ее лице сохраняется выражение детского испуга, обаяние восторга, гордой кротости и удивления.

Ленивым жестом он пригласил ее за стол, и сам налил в чашку душистого чая. Глаша, аккуратно прихлебывая из блюдечка, начала пить горячий напиток; робкая рука потянулась за маковой баранкой; блестящие глаза с любопытством и обожанием поглядывали на непредсказуемого любовника. Она старалась отвести их в сторону и делала вид, что с усердием рассматривает вазочку, наполненную янтарным медом, в густом плену которого навек застыла маленькая полосатая пчелка.

Приказчик Игнат, с улыбкой наблюдая всю эту трогательную картину, поднялся на второй этаж. Девушке послышалось, что он там с кем-то перекинулся парой слов, были и другие неясные звуки, вроде мычания и постанывания, но вскоре все стихло за крепкими дубовыми дверями.

– Ну, ладно, хватит тебе чаевничать, – вдруг резко сказал Владимир. – Ведь, не за этим ты сюда пришла.

Глаша послушно отряхнула руки от налипших крошек и отставила от себя чашку.

– Иди, раздевайся быстро и заходи в парную, – приказал он.

Глаша, исполнила все, что он сказал. Путаясь в застежках и юбках, она сняла и аккуратно сложила вещи на скамеечку. Прикрывая одной рукой лобок, другой большие груди, босая и беззащитная, зашла в парилку к Владимиру.

– Владимир Иванович, скажите, а Игнат к нам не зайдет? – шепотом спросила она.

– Mademoiselle, не задавайте ненужных вопросов. Я сам вас буду понемногу просвещать. Раз вы пришли сюда: знать – согласны на многое. Хочу, чтоб уяснили вы, что все и всегда решаю только – я. Я сам – вершитель многих судеб; сам – судья; сам – царь и господин; и палачом, порою, я бываю; сам – милую; сам – прогоняю с глаз долой; награды – сам даю, коли желаю, – он расхохотался. – Видишь, я порой стихами говорю, особенно, когда «приму на грудь»… А в общем, знай: я главный кукловод и дергаю за нитки. Мне решать: какую куклу любить, какую – ненавидеть, и сколько кукол будут танцевать.

– Владимир, вы – чудовище…

– А ты, не знала? – он снова рассмеялся, – я – деспот, но от этого любовь твоя сильнее. Женская любовь является загадкой природы. Отчего вы не влюбляетесь в хороших, добродетельных мужчин? Вам негодяев только подавай. Вот, и кушайте на здоровье! Ладно, не смотри так – глаза на мне оставишь. Поменьше удивляйся – больше исполняй. Готова, если – оставайся, а если нет – пока не поздно, убегай.

Глаша стояла и, молча, смотрела на него, казалось: она спит и видит странный сон.

– Да никуда ты не побежишь. Любовь похуже яда, она хуже самых толстых цепей. Любовь делает нас рабами. Любовь нас унижает, а порой и убивает. Успокойся, я подарю тебе взамен такие наслаждения, о которых и не слышали в раю… А в общем, хочешь, иль не хочешь – уж все равно тебя не отпущу, – серые глаза светились насмешкой.

Парная, в которой стояла обнаженная Глафира, была достаточно большая. Освещение здесь было хуже, чем в банной горнице. Свет шел только из небольшого оконца, за которым уже слегка вечерело, и от пламени огня в калильной печке. Дубовые, ладно-сколоченные шайки, крепко стояли на широких полках, из них густо валил душистый пар: березовые и можжевеловые веники мокли в крутом кипятке. Владимир стоял абсолютно голым. Глаша долго не могла понять: чего не хватает на его обнаженном теле? И вдруг, смутная догадка неприятно поразила и взволновала ее душу – на груди кузена не было нательного креста. «Снял он его или потерял? Боже, я и раньше, кажется, не видела на нем тельника…Что бы это значило?» – рассеянно рассуждала она. Но он посмотрел ей в глаза, и она тут, же позабыла о своей тревоге. Внезапно, ей

стало очень жарко от горячего белого пара, плотным облаком он окружил фигуру девушки. Капельки пота выступили на порозовевшем гладком теле. Длинные волосы прилипли к мокрой спине и ягодицам.

– Ты, сначала помойся, как положено, а потом я тебя отхлещу веничком, – спокойно сказал Владимир. – Вот возьми, я привез его из Франции, – в его руке оказался скользкий кружок пахучего лавандового мыла.

Глаша послушалась: привычными движениями намылила себя всю – с головы до ног душистым мылом, а после окатилась несколькими шайками воды. Владимир Иванович спокойно наблюдал за ее движениями. Глаше стало почему-то странно и по-женски обидно, что сегодня член Владимира не стоял так сильно: а ведь между ними долго не было близости. Она догадывалась: мужчина уже разрядился, и случилось, видимо, это совсем недавно. От обиды и ревности она кусала губы: казалось, готова была расплакаться: «Кто, же она? Кто та, с кем ему было хорошо?»

Владимир уловил едва заметные изменения в ее лице и, не давая опомниться, приказал лечь на одну из широких лавок. Глаша послушно легла животом на горячую лавку. Распущенные мокрые волосы она убрала в сторону: обнажилась узкая спина, талия и большая круглая попа. Стройные и длинные ножки девушки лежали сомкнуто вместе, заканчиваясь розовыми маленькими пятками и вытянутыми носочками. Две половинки округлого, словно спелое яблоко зада, были сжаты от напряжения.

Владимир поддал жару, плеснув воды на раскаленные камни. Белый горячий пар сильнее заклубился по парилке. Владимир принялся хлестать девушку березовым веником, сначала легкими поглаживающими движениями, а потом более сильными и жесткими. Глаша вся раскраснелась и разомлела. После этого он заново намылил ее всю, и велел: не вставая, лежа на животе, пошире раздвинуть ноги. Намылив пальцы на руке, он прикоснулся к промежности Глаши и раздвинул ее ягодицы.

– Значит так, сударыня, до этого, мы с вами упражнялись только с вашей прекрасной и сочной верхней дырочкой, которая пришлась весьма по вкусу моему ретивому жеребцу. Теперь же, мы приступим к месту, кое трогает меня в вас гораздо больше, чем все другие отверстия. Я говорю о вашей нетронутой задней норке. Так вот: я буду упражняться с ней столько, и до тех пор, пока она с легкостью, и великим удовольствием, начнет сама заглатывать моего

любимого друга.

Сказав этот монолог, Владимир начал аккуратно вводить в тугой анус девушки один, потом два пальца, круговыми движениями слегка растягивая его. Он, то вертел и крутил длинными скользкими пальцами, пытаясь протолкнуть их как можно глубже, то брался руками за ягодицы девушки и легонько разводил их в стороны. Глаша невольно вскрикивала от неожиданности и новых, не совсем приятных ощущений.

– Владимир, не надо так. Зачем вы? Туда не надо, – захныкала она и сжалась.

– Терпи, терпи, моя дорогая, тебе все равно не миновать этой ласки! – прикрикнул он, его ладонь звонко шлепнула ее по спелому заду. – Расслабься лучше, не сжимай врата, иначе будет хуже.

«Господи, что он делает? Какой стыд. Мне неприятно это. Чего еще мне ждать? Неужто и это место годно для любви?» – испуганно думала она.

– Ай!

– Чего ты айкаешь?

Он наклонился к ее лицу и крепко поцеловал в раскрытые губы, перехватив очередной короткий стон.

– Но сегодня я тебя пожалею, дорогая, и не сильно потяну. Тебе повезло: я спустил накануне два раза, но сей факт оставим без комментариев. Твое мнение на этот счет меня вовсе не интересует.

Сказав это, Владимир приподнял роскошный зад Глаши, и поставил ее на четвереньки.

– А теперь, раздвинь ягодицы в стороны сама и посильнее. Ну? Делай, как я тебе говорю, – сказав это, он ввел уже три пальца и стал скользить ими, все больше расширяя просвет.

Глаша, постанывая, выгнула спину. Ощущения были очень новыми для нее, в то же время, она почувствовала, что безумно возбуждена и хочет разрядки. Изощренный любовник не дал ей этого сделать: хотя прекрасно видел ее томление. Достаточно было всего лишь прикоснуться к опухшему лону, чтобы ее захлестнула волна мощного оргазма.

– Хорошего – помаленьку, на сегодня хватит, – жестко сказал он и, окатив девушку чистой водой, велел ей одеваться.

Глаша, горя от возбуждения, вынуждена была повиноваться. Вытерев себя насухо, и надев чистую нательную рубашку, девушка обиженно расчесывала мокрые волосы, когда Владимир Иванович, уже в брюках подошел к ней и сказал:

– Mon cher, останься в одной рубашке, и пойдем наверх, я приготовил для тебя сюрприз.

Глава 6

Глаша, с тревогой глядя на Владимира, вынуждена была подчиниться. Сильная рука схватила запястье, он потащил ее на второй этаж бани. Шлепая босыми ногами вверх по сухой и теплой деревянной лестнице, с трудом поспевая за ним, она, даже в страшном сне не могла представить, какой сюрприз уготован ей наверху. Сюрприз, который сильно потрясет воображение бедной девушки.

Очутившись на втором этаже, Владимир толкнул тяжелую дубовую дверь. Дверь со скрипом отворилась, взору предстала на первый взгляд, странная и непонятная картина. Глаша увидела что-то, невиданное ею никогда ранее, а от того, такое страшное. Собрав в сознании все части разрозненной картины в единое целое, она, наконец, поняла, что перед ней, у нее случился внутренний шок.

Владимир, заглядывая ей в лицо, испытывал ни с чем несравнимое удовольствие от чувств и смятения, которые отразились на нем. Ему нравилось поражать ее неискушенное воображение и бесконечно сбивать с толку, не объясняя суть

происходящих вещей.

Комната на втором этаже бани была чем-то похожа на горницу снизу, только просторнее. Вместо обеденного стола в ней располагалась большая, удобная кровать с красным бархатным балдахином. Множество белых и красных пуховых подушек и тюфячков было разбросано по кровати, льняная простынь натянутая по поверхности, поражала чистотой и свежестью. Рядом с кроватью поблескивая гладким полированным верхом, стоял трехногий маленький столик. Ваза с фруктами, пара бутылок вина, высокие бокалы и коробка с тонкими иноземными сигарами – все это красовалось на нем.

Зеленый плюшевый диван с большими подлокотниками и золотистыми кистями вальяжно расположился около другой стены. Рядом с диваном стоял огромный стол, на котором в беспорядке валялись кожаные канчуки, разномастные плети и какие-то незнакомые деревянные предметы, о предназначении которых, Глаша даже не догадывалась. В комнате было несколько стульев, мягких пуфиков с шелковыми красными подушками, два красных кресла, пара странных табуретов и прочих непонятных, бедному разуму Глаши вещей. Была здесь и желтая китайская ширма, в тени которой пряталось нечто рогатое, похожее на диковинный ткацкий станок с широким и гладким седлом и кожаными ремнями.

Полные обнаженные дамы в различных непристойных позах томно взирали с больших полотен, развешанных по бревенчатым стенам. Причудливо изогнутые, кованые жирандоли[33 - Жирандоль – большой фигурный подсвечник для нескольких свеч. С французского girandole, Итальянского girandola, что в переводе означает – сноп водных струй, ракет, канделябр. (Примеч. автора)] ярко освещали всю комнату.

Но главным было другое… Посередине комнаты, на небольшом возвышении стояла странная скамейка, состоящая из двух широких ступеней. На этой скамейке животом книзу и огромным мясистым задом к зрителям, была привязана обнаженная женщина.

Голова и руки женщины были вставлены в некое подобие деревянных тисков так, что она практически не могла ими пошевелить. Мало того, матерчатый кляп плотно прикрывал разверзнутый, до неимоверности, рот. С подбородка двумя дорожками стекала слюна. Выпучив круглые, голубые глаза, женщина мычала что-то невнятное. На щеках и покатом лбу от натуги выступили красные пятна. Влажное лицо блестело в ярком свете свечей. Арбузные, белые груди с большими красными сосками лежали на верхней ступеньке этой лесенки. Круглый живот плотно упирался во вторую ступеньку. Полные в ляжках ноги женщины были привязаны за тонкие щиколотки веревками, концы которых крепились за два стоящих столба по обеим сторонам этой изуверской конструкции, и разведены широко в стороны. Белесые и мокрые волосы были завязаны на затылке в тугой пучок. Обильное, молочно-белое тело блестело капельками пота и слегка розовело, видимо, после недавнего мытья в бане. Разверзнутая большая промежность женщины ярко краснела на фоне кустиков редких светлых волос. Но, самым впечатляющим было то обстоятельство, что… в ее промежности торчал толстый и нелепо зеленый, огородный… огурец. Именно этот огурец на фоне ярко красной, влажной от соков плоти, освещаемый ярким пламенем свечей, так сильно и неприятно поразил воображение бедной Глафиры Сергеевны.

Пару минут несчастная девушка стояла и с трудом соображала: что это такое, и зачем здесь стоит, фиалковые глазищи таращились на всю эту нелепицу. Потом из груди вырвался визг, ладошки прикрыли красное лицо, ноги затопали от негодования.

– Monsieur[34 - Месье (франц.)], Вольдемар, qu'est-ce que c'est?![35 - Что это? (франц.)] Pourquoi?! Pourquoi?![36 - Почему? (франц.)] – глухие рыдания перекрывали слова. – Уведите меня отсюда. Я не желаю сие наблюдать. Это отвратительно!

– Mademoiselle, прекратите истерику, – проговорил Владимир. – Сядьте, и успокойтесь. Игнат, налей ей для начала, вина.

Глаша почувствовала, как чужие твердые и сильные руки отняли ладони от лица, подвели к кровати и заставили сесть. Перед глазами все плыло и искрилось от слез. Послышались звуки льющейся жидкости, пахнуло терпким виноградным вином, перед лицом оказался бокал янтарной мадеры.

– Пейте, mademoiselle, пожалуйста! – проговорил Игнат хриплым голосом, – вам станет значительно легче.

Глаша выпила вино большими глотками, по телу разлилось приятное тепло. Игнат подошел к ней вплотную, заботливая смуглая рука вытерла платком щеки от слез.

– Владимир Иванович, я считаю неуместным свое нахождение в этой комнате. Позвольте, я покину вас, – уже спокойнее, с достоинством сказала она и… икнула.

Оба мужчины рассмеялись.

– Mademoiselle, вы наивны, если полагаете, что я позволю вам оставить нас. Час тому назад я честно предложил вам сбежать из этого дома: пока было не поздно. Вы не воспользовались этой возможностью. Более того, вы даже не сдвинулись с места. Ваши глаза горели похотливым огоньком, вам приятны были все мои ласки. Отчего вы, не доверяете себе сейчас? Что вас так смутило? Эта голая рабыня? Ее вид вы находите неуместным? Но, это – заблуждение. Рабы нам и даны в полную власть и служат к удовлетворению потребностей плоти. Или вы вообразили себе, что удовлетворять потребности желудка пищей, которую взрастили рабские руки более благородно, чем удовлетворение желания мужского естества? Право – это смешно… Я в университете изучал многие науки, и с легкостью мудрого софиста смогу доказать сей логический парадокс: господь создал нас по образу и подобию своему; каждый орган в нашем теле священен и жизненно необходим; потребности пениса так же важны, как и желудка; пенис достоин их удовлетворения; удовлетворение потребностей пениса – является богоугодным делом. – Он рассмеялся от удовольствия, внутренне поразившись ловко-придуманной логической цепочке.

– Вы совсем запутали меня, Владимир. От ваших рассуждений идет кругом голова, – прошептала она, всхлипывая.

– А вы, голубушка, сбросьте все ненужные предрассудки и постарайтесь прислушаться к себе. К тому, что вы желаете. Поверьте, перед вами откроются совсем иные горизонты познаний. Вы слишком зашорены общественной моралью. Она не дает нам воли для фантазии и смелости поступкам. Отбросьте

все приличия, что навязало общество. Постарайтесь получить удовольствие от природы и тела своего, как это делали эпикурейцы. Наслаждайтесь, а не страдайте. Человеческий век так короток. И мы исчезнем скоро, о нас забудут очень быстро другие поколения живых. Было бы глупо не вкусить плодов на щедром столе познания наслаждений. В моих философских взглядах полно эклектичности. Одно скажу: мне ближе те, что учат человека не страданию, а счастью… Надеюсь, вы помните знаменитую строчку у вашего горячо любимого Байрона: «Мудрецам внимают все, но голос наслажденья всегда сильней разумного сужденья!» Позвольте, и вы себе побыть счастливой и вкусить сладость запретных плодов. Поверьте, эти яблочки намного вкуснее нашей антоновки, – на его губах играла ироничная улыбка.

Глаша задумчиво молчала, Владимир продолжал.

– Глафира Сергеевна, надеюсь, вы не будете отрицать тот факт, что каждая женщина мечтает быть любимой и желанной?

– Не буду отрицать: мечтает быть желанною супругом, любящем ее.

– О, боже, какая скука, – поморщился он, – а ежели, супруг осточертел хуже горькой редьки? Если глуп он беспробудно, или пьяница, иль просто некрасив? Если ложиться с ним в постель – сплошная мука? Как тогда?

– Ну, я не знаю… Наверное, такова судьба и надо покориться.

– Судьба – судьбой, а вы-то тут причем? Простите, вы мне напоминаете овечку: ее ведут на заклание, а она и блеять не решится. Та же резигнация[37 - Резигнация – безропотное смирение, полная покорность судьбе. От французского resignation. (Примеч. автора)] судьбе.

– А что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам почувствовать себя хозяйкой судьбы, женщиной, наконец. Позволить многое, не думая о последствиях. Тем паче, что женский век короче мужского. Уж, сколько вам цвести осталось? Лет десять или пятнадцать, может быть… Хотел бы я, чтобы на склоне лет вы вспомнили проказы молодости и вслух себе сказали: «Да, я была чертовски хороша; меня любили; я любила; и время не теряя зря, хотела что – сполна я получила!» – он улыбнулся. – Во мне

точно умер поэт… А могу опять упомянуть вашего любимого Байрона:

«…Ему, однако, было пятьдесят,

А Клеопатре – сорок! Цифры эти

Не столь уж обольстительно звучат,

Как «двадцать» и «пятнадцать»… Все на свете

Стареет; да, – увы! – года летят,

Мы чувства сердца, пылкие в расцвете,

Теряем, и способность полюбить

Нам никакой ценой не возвратить…»

– Так что же, Глашенька, когда лучше предаваться плотским радостям – сейчас, когда вы так юны, свежи и хороши, или, когда вы будете ровесницей Петровны, матушкиной горничной? Не оттого ли она и дамы, подобные ей, так благочестивы и набожны, что поздно им грешить? Вы хотите их печальной участи? Держу пари: Петровна перестала бы еженедельно бегать на исповедь и сплетничать, если бы ей боги преподнесли самый щедрый на свете дар – красоту и молодость. Я и тут склонен процитировать классиков, как там у Мольера: «Крепчает нравственность, когда дряхлеет плоть!». Глафира Сергеевна, я устал от красноречия и доводов. Мне казалось, что в вас достаточно ума, чтоб сделать правильные выводы.

Глаша решительно встала и, подойдя к столику, налила еще бокал вина. Осушив его до дна, посмотрела на всех бессмысленным ведьминским взором. В эти минуты она была особенно красива.

– Ну, что же вы, остановились, Вольдемар?

– Любуюсь вами, Mon Cher! Похоже, из вас со временем выйдет достойная Диониса, вакханка.

– Господа, позвольте мне вмешаться в ваш милый спор? – хрипло проговорил Игнат. – Мне Лушку отвязать? Или вы, Владимир Иванович, еще уделите внимание этой рабыне?

– Ха! Совсем забыли про бедняжку. Лушенька, душка, твой барин помнит о тебе. Сейчас тебя он ласкою своею одарит.

Привязанная женщина промычала в ответ что-то нечленораздельное и закивала круглой белой головой.

Глаша узнала привязанную женщину. Эта была крепостная Махневых – Лукерья Потапова или попросту, Лушка. О ней в Махневе дворовые бабы говорили, как о женщине разбитной и острой на язык. Приписывали ей так же разгульный образ жизни, намекая на то, что «слаба баба на передок». Ее мужа завалило огромным бревном на вырубках, и Лушка осталась двадцатипятилетней бездетной вдовой. Замуж ее никто не взял, так как о ней по деревне шла по следам дурная слава. Единственный ее ребенок появился на свет мертворожденным. Горевала о случившемся Лушка недолго. С тех пор, не имея ни к кому особых привязанностей, Лукерья Потапова вела довольно свободный образ жизни. Внешне она была весьма приятной наружности. Немного полная, она ходила по деревне перед мужиками сильно виляя мощным задом, и красуясь белыми руками и большой, аппетитной грудью, увешанной разноцветными стеклянными бусами. Глаза у Лушки были чуть выпуклые и бесстыжие, ярко голубого, василькового цвета, нос курносый, а губы пухлые, немного бледные. Ходила она всегда чисто и опрятно, надевая на себя узкие по талии кофты и яркие цветастые юбки. Шелковые платки с кистями украшали ее голову по праздникам. Любила Лушка бросить среди дня работу, подбоченись и, выпятив большую грудь, постоять и позубоскалить с дворовыми молодыми работниками. Громким натужным хохотом отвечала на их сальные намеки. Бабы ее не любили. И часто, наблюдая за ней со стороны, говорили: «Ишь, как черти-то, ее сучку, полоумную разбирают…».

Вот эта самая Лушка и оказалась главным действующим лицом всей этой похотливой до невозможности, сцены. Именно она была так чудовищно выставлена напоказ всеми своими прелестями.

– Вы помните, Глафира Сергеевна, что я вам говорил о том, кто здесь главный режиссер спектаклей?

Она кивнула, по губам пробежала горькая усмешка.

– Так вот, я ввожу вас в таинства моих свободных развлечений. И для начала, хотел бы попросить, чтоб вы сидели смирно и вольности не проявляли. Привыкните пока. Придет и ваш черед.

Владимир присел на кровать, облокотившись на мягкие подушки, рядом усадил Глафиру. Его рука обняла ее и притянула к себе.

– Ну, что же Игнатушка, приступим, наконец, – он театрально махнул белым платком, спектакль начался.

Игнат снял с себя одежду, Глаша смогла теперь лучше рассмотреть его высокую фигуру. Он был худощав, смугл и широк в кости. Широкие плечи и сильные руки напоминали лучшие торсы древнегреческих атлетов. Под снятым картузом оказались черные, как у цыгана, вьющиеся волосы. У него была привычка поглядывать на человека из-под темных густых бровей карими угрюмыми глазами и подкручивать казацкий ус. Многие буквально цепенели под действием этого зловещего взгляда.

Глаша пыталась смущенно отвести глаза от главного, притягивающего взор… предмета. Пыталась, но это было безуспешно. Сей предмет назойливо и немилосердно лез в глаза. Казалось, Игнат специально поворачивался так, чтобы Глафира Сергеевна по достоинству оценила прекраснейший образчик мужского естества…, его внушительных размеров фаллос. Фаллос Игната был почти таким же крупным, как и у барина, но чуть загнутой, серповидной формы, темные волосатые шары поддерживали его у основания.

Сначала стесняясь и украдкой, потом все смелее она стала разглядывать голого приказчика. Было видно, что тому эти любопытные взгляды юной барыньки доставляли огромное удовольствие. Черные глазищи часто вызывающе зыркали в ее сторону.

Глаша уже догадалась, что Игнат Петров был сотоварищем Владимира в развратных оргиях. Много мыслей промелькнуло в голове, но вместе с тем, от вида голых тел нарастало такое сильное возбуждение, что она дрожала, словно в горячке. Владимир с улыбкой поглядывал то в центр комнаты, то на Глашу.

Игнат подошел к столу, глаза искали что-то, наконец, он увидел – в его руках оказалась шестиконечная кожаная плетка. Он подошел к заду Лушки, и

принялся сначала легонько, а затем все сильнее, хлестать плеткой по толстым ягодицам – красные полосы моментально вспухали на белой нежной коже. Лушка вся выгнулась и громко застонала, голова стиснутая деревяшкой, мотнулась, пальцы на руках сжались до побеления. Маленькие ступни тоже начали сжиматься в такт ударам плетки. Из закрытого кляпом рта, еще сильнее потекла слюна.

После нескольких свистящих ударов, Глаша в ужасе закрыла ладонями глаза: чтобы не видеть происходящего. Но Владимир с силой отвел ее руки от лица.

– Не бойся, эта сучка очень любит, когда ее хлещут, это она от страсти орет. Плетка мягкая, ты сама потом в этом убедишься. У Лукерьи Потаповой есть небольшая слабость. Сия особа не может получить полное удовольствие без порки. Мы с Игнатом большие гуманисты и не можем оставить женщину без сладкого, – он рассмеялся, проговорив это. – Лукерья Потапова одна из немногих женщин, готовая иметь сношения с утра до поздней ночи. Мы попользовали ее сегодня не единожды, а ей все мало. У нее темперамент, как у Мессалины. Видать, так и умрет когда-нибудь от сладкой муки эта…б… – он невольно подавился, вертящимся на языке словом, – эта нимфоманка.

Игнат прекратил порку и вытащил огурец из Лушкиного отверстия, тот вышел с чавкающим звуком. Затем он завозился перед нею, узкий зад вдруг стал ритмично покачиваться. По этим характерным движениям Глаша поняла, что приказчик вставил вздыбленный фаллос в освободившуюся норку. Он начал с силой совокупляться с Лушкой, опять послышались мычащие звуки. Лушка, даже привязанная, умудрялась двигаться навстречу выпадам Игната. Ее толстые, круглые ягодицы дрожали и извивались в бешенном танце.

От всего увиденного, член Владимира тоже встрепенулся. Он стянул с себя тонкие брюки и сбросил их рядом на стул. Теперь он сидел голый и потирал свое орудие с распухшей пульсирующей головкой одной рукой, другой крепко держал Глашу за грудь. Длинные пальцы с силой крутили нежные соски, оттопыривая широкий ворот тонкой нательной рубашки. Глаша сама чувствовала, что сильно возбуждена всем происходящим. Тем паче, что возбуждение ее не покидало с того момента, когда ее в парной ласкал Владимир. Ей очень хотелось получить долгожданную разрядку, хотелось отбросить все приличия и… лечь под ненаглядного кузена.

Но кузен, подчиняясь другой, более изощренной логике, не желал вступать сегодня в плотские контакты с Глафирой. Возбудить ее до немыслимых пределов – в этом был его хитроумный замысел. Он видел, как дрожат ее колени, как губы судорожно хватают воздух, глаза горят, а тело движется навстречу. Спустя минуту, ее рука нерешительно скользнула под подол длинной рубашки, пальчики коснулись горячей скользкой плоти, послышался стон наслаждения.

– Нет, сударыня, уберите руку. Вам не было команды самой себя ласкать. А потому сидите и терпите, пока я не разрешу.

Глафира покраснела, до кончиков ушей. Владимир, бесцеремонно задрав подол нательной сорочки, глянул на пухлый влажный лобок, его наглая рука коснулась горячей трещины в пуху, палец скользнул вглубь лона. Глаша выгнула спину, ноги непроизвольно разъехались в стороны.

– Mon cher, как вы мокры… Терпите, я подам команду. Кто вкусил сладость томления и муки воздержания, тот удовольствие получит – равное троим. – сказал он, заглядывая ей в глаза, и отдернув руку, опустил сорочку. – Сидите смирно и положите руки на колени! Увижу: двинете рукой – я вас побью!

Глаше ничего не оставалось, как подчиниться. В это время Игнат закончил свой танец возле разверзнутой Лушкиной промежности, его бедра еще пару раз дернулись в сладкой конвульсии, и он, пошатываясь, отошел от женщины.

Наступила очередь Владимира. Он обошел изуверскую конструкцию и, подойдя к Лушке, вынул плотный кляп из растянутого рта. Как не странно, та улыбнулась барину онемевшими белесыми губами и залопотала что-то ласковое. Глаша не расслышала слов, но поняла, что Лукерья очень признательна двум кобелям за доставленное удовольствие.

Глаша покраснела от ревности и досады. Ей так захотелось схватить плетку и еще раз ударить светлоголовую прорву по широкой жирной спине и заду. Лукерья же, не обращая внимания на волны кипучей ненависти, посылаемые ей из другой стороны комнаты, по-сучьи ласково и зазывно смотрела на барина. Белесые мягкие губы тянулись к красивым длинным ладоням Вольдемара, шея вздувалась от натуги синими венами: Лушка тщетно пыталась облобызать руки барина. Казалось: награди природа эту женщину куцым собачьим хвостом, она

бы завиляла им от избытка чувств.

– Ладно, моя хорошая… Вижу: что довольна. Скоро отвяжу тебя. Поласкай еще напоследок своего барина, – с этими словами он вложил фаллос в ее мягкие губы. Она ловко и радостно обхватила его ртом и усердно зачмокала.

Владимир закатил глаза от наслаждения, его ноздри трепетали. Лушка старалась от души. Она, то глубоко заглатывала фаллос, то быстро, многократно и нежно проводила языком по его разбухшей головке. Щекотала кончиком языка уздечку, предано, как собака, заглядывая в глаза обожаемому барину. Было видно, что Лукерья Потапова в этом деле не новичок, а опытный мастер. Владимиру нравилось, как Лушка обрабатывала языком его плоть, он хотел было разрядиться в горячий сосущий рот, но в последний момент передумал. Вытащив член, он подошел к Лушкиному заду и, взяв полотенце, осушил ее промежность.

– Что я больше всего люблю, так это вид того, как у похотливых самок льется семя из всех растянутых щелей, – сказал он.

С этими словами, он пристроился к анусу Лушки. У нее уже не было кляпа, и она к удивлению Глаши, не кричала от боли, а во все горло сладострастно стонала, поощряя хозяина встречными подмахивающими движениями. Она с силой насаживалась на толстенный ствол.

– Да, да, да, так, господин мой, посильнее, – извиваясь, орала она.

Глаша сидела с красным от ревности лицом. Продолжалось это довольно долго, пока Владимир, рыча и ругаясь матом, не кончил. Лушку уже всю било, как в лихорадке. Задница ее продолжала поступательно двигаться в ожидании нового гостя. Игнат подошел и окатил ее ковшом холодной воды, чтобы остудить пыл. Казалось, Лушкиной утробе надобен полк бравых солдат для дальнейшего удовлетворения безграничных потребностей.

Игнат отвязал Лушку от скамейки, освободил ее руки и ноги. Она распрямила круглую спину и, кокетливо поглядывая на двух самцов, поглаживая себя по затекшим рукам и ногам, потянулась и картинно зевнула.

– Ну, я тогда пошла, че ли, али нет?

– Нет, постой немного, – сказал ей Владимир, – ты сейчас мне сделаешь еще одно дельце. У нас тут барышня вся в соку сидит, уж терпежа ей нету. А я ее сегодня нарочно не трогаю, берегу для особого случая. А барышне-то нашей уж очень плохо стало. Правда, Игнат?

– Сущая, правда, – ухмыляясь, ответил приказчик.

– Ну, и чего я сделать должна? – притворно спросила Лукерья. – Я-то, тут причем? – ее колючий взгляд с усмешкой прошелся по бледному лицу Глафиры.

– Не прикидывайся глупой. Сама знаешь: язычок-то тебе для чего ловкий? Ты потрудись, а мы посмотрим.

Лушка, ревностно разглядывая Глашу, все же подошла к ней вплотную и резко опрокинула ту на спину. Потом сильным движением, как у мужчины, она взяла Глашу за бедра, руки притянули ее к краю кровати. Встав на колени перед бедрами Глаши, она задрала повыше тонкую нательную рубашку. Обнажив девушку, сильно раздвинула ее согнутые в коленях, дрожащие ноги.

Оба мужчины, стоя напротив, с интересом наблюдали за происходящим. Глаша попыталась прикрыть рукой пушистый лобок, но Лушка грубо прикрикнув на нее, резко убрала ей руки. Наклонившись над распухшей и мокрой промежностью Глаши, Лушка стала умело обрабатывать ее языком. Глаша почувствовала на себе горячее дыхание этой деревенской «матерой самки». Та же, то лизала промежность широким движением языка, то слегка щекотала ее, раздвигая лепестки нежной плоти, то нежно покусывала. Она даже умудрилась, раздвинув Глашины ноги, войти длинным языком в узкую норку и поработать в ней, словно членом. Глаша вся текла и извивалась от этого неописуемого удовольствия, и наконец, кончила с таким глухим гортанным криком, что вся компания была удивлена: как столь нежное создание может издавать такие грубые и сладострастные звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тысячу извинений (франц.)

2

Этого не может быть (франц.)

3

У меня бессонница (франц.)

4

Рад с Вами познакомиться. (франц.)

5

Корпия – нащипанные из старой хлопчатобумажной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал вместо ваты.

6

Доброе утро, Мадам (франц.)

7

Декокт – тоже, что взвар или травяная настойка.

8

Подобно Байрону (франц.)

9

Фриштик – завтрак, от немецкого Fruhstiick.

10

Приятного аппетита! (франц.)

11

Божественная (франц.)

12

Фарина, Иоганн Мария (1685–1766) – основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколона.

13

Прелестно, вкусно, ароматно (франц.)

14

Что это? (франц.)

15

Приа?п (др. греч.) – в античной мифологии древнегреческий бог плодородия. Изображался с чрезмерно развитым половым членом в состоянии вечной эрекции.

16

Киршвассер – вишневая наливка. От немецкого Kirschwasser.

17

Как дела? (франц.)

18

Спасибо, хорошо! (франц.)

19

Ваша очередь, сударыня! (франц.)

20

Любовь заставляет танцевать (франц.)

21

«Кёльнская вода» – обобщенное название одеколона от французского «Eau De Cologne», созданного итальянским парфюмером Йоганном Марией Фарина.

22

Большое спасибо! (франц.)

23

Конечно. (франц.)

24

Beaute du diable – красота дьявола. Так французы называют красоту, свойственную лишь молодости и свежести. (Примеч. автора)

25

Божественная (франц.)

26

Пожалуйста (франц.)

27

Пожалуйста, в ответ (франц.)

28

Афей – безбожник. От латинского ateos – безбожник.

29

Конкубина – наложница, сожительница, любовница, содержанка от латинского concubina, что в переводе означает: наложница, любовница.

30

Листовка – водка, настоянная на черносмородиновом листе.

31

Люнель – французское сладкое вино. Произошло от названия города Люнель во Франции, где производилось это вино

32

Регалия – сорт дорогих сигар. От латинского regalis, что в переводе означает – царский.

33

Жирандоль – большой фигурный подсвечник для нескольких свеч. С французского girandole, Итальянского girandola, что в переводе означает – сноп водных струй, ракет, канделябр. (Примеч. автора)

34

Месье (франц.)

35

Что это? (франц.)

36

Почему? (франц.)

37

Резигнация – безропотное смирение, полная покорность судьбе. От французского resignation. (Примеч. автора)

Купить: https://tellnovel.com/lanitova_lana/glasha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити